

Влад И. Шейченко

КУРС МОЛОДОГО ОВЦА

или

САМОЗАЩИТА В УГОЛОВНОМ СУДЕ

Владислав Шейченко

**Курс молодого овца, или
Самозащита в уголовном суде**

«Accent Graphics communications»

2015

Шейченко В. И.

Курс молодого овца, или Самозащита в уголовном суде /
В. И. Шейченко — «Accent Graphics communications», 2015

Общие характеристики овцы: процессуальная глупость, доверчивость, слабоволие, раболепие, беззащитность, правовой пессимизм, безличие. На правовых пастбищах и фермах уголовного судопроизводства число овец стадного разряда – 95% населения, тех кто обрёл эти свойства не столько в силу врождённых изъянов, как по политической воле пастухов от властей. Оказаться овцой не стыдно, вдруг обнаружив себя таковым. Стыдно ею оставаться, срамно смириться с этим. «Тварь ли я дрожащая или право имею?» – вопрошал себя овца Раскольников. Уймись, Расколыч, безусловно, ты – тварь, но имеющая Право (в то время, как и Право имеет тебя).

© Шейченко В. И., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Вводный трёп	5
Глава 1. Кто есть кто	9
1.1. Суд, судьи	13
1.2. Прокурор, следователь, дознаватель	22
1.3. Оперативные сотрудники (опера)	25
1.4. Потерпевший, частный обвинитель	27
1.5. Защитник	29
1.6. Подозреваемый, обвиняемый	31
1.7. Свидетель	32
1.8. Эксперт, специалист	34
1.9. Понятые	36
Глава 2. Принципы судоскотства	38
2.1. Законность	39
2.2. Осуществление правосудия только судом (см. статьи 8 УПК, 47 и 118 Конституции)	45
2.3. Уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК)	47
2.4. Неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ)	49
2.5. Охрана прав и свобод (ст. 11 УПК РФ)	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владислав И. Шейченко

Курс молодого овца или Самозащита в уголовном суде

*Посвящается _____ (укажи свою кличку, № клейма,
влажность носа, размер копыт)*

Вводный трёп

Общие характеристики овцы: процессуальная глупость, доверчивость, слабоволие, раболепие, незащитность, правовой пессимизм, безличие. На правовых пастбищах и фермах уголовного судопроизводства число овец стадного разряда – 95 % населения, тех кто обрёл эти свойства не столько в силу врождённых изъянов, как по политической воле пастухов от властей. Оказаться овцой не стыдно, вдруг обнаружив себя таковым. Стыдно ею оставаться, срамно смириться с этим. «Тварь ли я дрожащая или право имею?» – вопрошал себя овца Раскольников. Уймись, Расколыч, безусловно, ты – тварь, но имеющая Право (в то время, как и Право имеет тебя).

Существует общеобязательный закон, и существуют права для каждого из нас (овец), обязанности для каждого из них (пастухов и псовых), и есть порядок, изначально доступный, якобы, для всех. Покорность закону сама по себе естественна и правильна (коли Закон справедлив), неповиновение – бардак, а массовое неповиновение – хаос. Если нет согласия с уста-

новками закона, с ними тоже можно бороться, но легальными способами – через разрешённые правовые средства, например, оспаривая такой закон перед Конституционным Судом РФ. Но всякий человек, попадающий в сферу уголовных гонений, а от таких случаев страховым полисом не отгородиться, в теперешние времена неизбежно оказывается в среде беззакония (мнимой законности), правового беспредела (произвола). Он не готов к этому, да и не может быть готов в условиях информационного вакуума и вранья. Когда же у него появляется понимание действительности, и он обретает знания и желание сопротивляться, тогда оказывается безвозвратно пропащим. Локомотив по нему уже проехал и костей не собрать. Знакомься, это – овца. Другой, даже зная реальное положение вещей, пусть и некоторым опытом обладает, но погряз в неверии к силам своим и возможностям общим, не имеет воли и желания противостоять. Этот – тоже овца. А вот двуногий, он без пониманий и без стремлений постичь, постоять за себя, то ли слепо веря в справедливость, то ли полагаясь на удачу, отдался на жребий судьбы. И этот – овца. Узнаёшь себя в них?

То, что ты сейчас не преследуем в уголовном порядке и для тебя не видится поводов к этому – малое утешенье. Менты считают это только своей недоработкой, и, значит, ты – следующий. Любой без вины может стать виновным в этом государстве; любой, в малом повинный, обвинён станет в большем; всякий, верующий в Право своё, узнает однажды, что Право есть Лево; калечащий жернов судилища скрипит за спиной каждого.

Потенциально все мы жертвы этой механики, а потому – овцы в перспективе могучей. Овцы не по природе, ни с рождения вовсе, а под воздействием направленной на это системной политики властей. Так тому и быть, если овен не готов к этому, хотя бы знанием путей и не наделён процессуальным здравием. Тем более, в отсутствие опыта и закалёнки.

А даже, если и не готов, не всеоружен, всё при условии своевременности поправимо. И голышом можно уворачиваться от кнутовищ. Овечья суть в нас – волшебная штука. У этой твари дрожащей, при её деятельном стремлении вдруг расчихляются клыки, рожки победительные и кольчужное руно. Такая может порезать волкодава, трепануть пастушка. У такой есть шанс с боем соскочить из отары и ферм, а и погибнет, то с почётом. Знавал я множество из них. Красавцы, право слово!

Как автор этой писанины не преследую личных целей. А вот же – крендель я кусанный – возомнил из себя знатока. Знания и опыт указали на востребованность таких увещеваний и острую необходимость верных помощи и советов крайне широкому кругу сограждан бедолажных. Тем, кто столкнулся с уголовным преследованием, волею судьбы не уберётся от обвинений или осуждения, тем, кто не только вправе, но действительное желает защитить себя. Это равно касается и всех остальных в рамках негласного принципа судопроизводства «от тюрьмы и от сумы...».

Не имея специальных благословений от властей и лизоблюдов, посмел вскрыть их поганные приёмы и лживое мурло. За что могут и седло отстучать.

И плевать! Я – не ахти какой писака, прямо скажем – дрянной, так уж извините за корявость изложения.

Причины же создания именно такой формы комментариев следующие:

Во-первых, существует множество литературных источников, авторы которых пытались объяснить тактику и стратегию защиты в суде. С массивом подобного рода литературы знаком. Её авторы – вполне маститые авторитеты, признанные специалисты от юриспруденции и практикующие юристы, включая адвокатов славных. Но, предлагаемые ими текста изложены на специфическом языке, загромождены юридической терминологией, сухими комментариями или пространными рассуждениями. Такие изложения попросту оказываются недоступны для понимания простолюдину, именно тому, кто более и нуждается в поддержке. Складывается впечатление, что эти ребяташки трудились лишь для самих себя и своего клубка кишения, в

порядке самоутверждения, создания имиджа, занимаются самолюбованием и саморекламой, как павлины выпендриваются друг перед другом. Уяснить смысл, тем более полезно воспользоваться такого рода наставлениями затруднительно.

Во-вторых, представленные в печати советчики – номенклатурное гнильё, так или иначе, относятся к определённым госструктурам, необратимо пропитаны духом этих структур и, соответственно, отражают (защищают) их интересы. Речь идёт условно об условно пяти государственных властных сегментах: менты, следки, прокуратура, суд, адвокатура. Особнячком переминаются представители научно-преподавательского братства. Первая пятерня имеет собственный однобокий опыт понимания и применения законов, и в условиях существования негласных правил игры, стремятся утаить действительность, намеренно искажают Закон через обсуждение всяких абстрактных ситуаций в их идеальном виде, каковых на самом деле не бывает. Что же касается ученой братии, то эти – голые теоретики. Они крайне далеки от жизненной струи, где правит второй принцип российского судоскотства: «закон, что дышло, куда повернут, туда и вышло». Но в трудах всех научных умов этот принцип намеренно упущен, ведь они сами приложили руку к такому формату законов, позволяющему жонглировать правилами. Поэтому заинтересованный читатель из этого чтива не сможет познать суть «дышла», способы ворочания им, а также приёмы противодействия таким манипуляциям.

В-третьих, автор убеждён, что уяснить всю глубину процессов возможно только посредством самопереживания и крайней заинтересованности в происходящем. Только через собственные искания, пробы, ошибки и по истинной воле к достижению цели приходят верные выводы и приёмы борений. Все другие участники производства, кроме обвиняемого, не решают вопросов своей судьбы (карьера и гонорары не в счёт). Поэтому их интересы в деле ограничены и формальны. Что психологически препятствует поиску средств и способов, точному проникновению в происходящее, добросовестности и принципиальной борьбе «до конца».

Пишущий эти строки имеет достаточное юридическое образование и познания в области права, способен мыслить с позиции любых участников процесса. С другой стороны, личным опытом является судьба обвиняемого в совершении преступлений, причём крайних форм тяжести (особо тяжкие – умышленное убийство); непосредственное участие в качестве обвиняемого в судебных рассмотрении различных составами (проф. судьи, суд присяжных) по всем без исключения стадиям и инстанциям (следствие, разбирательство, кассация, надзор, вновь открывшиеся обстоятельства) перед лицом всевозможных судебных органов (включая Конституционный и Евро-суды) при наличии обширной практики помощи другим обвиняемым со знанием их положения и обстоятельств дел, практических процедур и позиций властей в их отношении. Это позволило вызнать существующие «правила игры», и не столько нормативные, как негласную подоплёку происходящего.

В-четвёртых, большим ущербом известных мне комментаторов является их боязнь откровений из-за неизбежного преследования за такое. Являясь в большинстве официальными прикормышами власти, достигнув общественного веса, такие опасаются навредить своему благополучию, утратить своё положение от предсказуемых негласных давлений со стороны вышестоящих и силовых структур. Безусловно, что выступление против воли иерархов повлечёт травлю, а нарушение сложившихся табу – отлучение от кормушки. А вот я свободен в исповеди, мне косточки из языка удалили. Такая шалупонь как я много не потеряю. Ну, покошмарят слегонца, так в том разве препятствие пасть разевать. Небольшой повод для мщения Системе присутствует, но он вторичен. А если хотя бы одной овце советы мои станут облегчением, счастлив буду несказуемо.

И последнее. Читатель не должен тешить себя надеждой, что обнаружит подробные и окончательные инструкции действий для конкретно его дела.

Это невозможно из-за бесконечно большого разнообразия вариантов развития событий, обстоятельств производства, межличностных отношений по разным делам. Существуют лишь общие правила, тенденции, ошибки, предсказуемые для любого дела. Вот это и надо знать, этим пользоваться, пользоваться с умом. Творческий подход в работе с имеющейся информацией, примерка её к собственной ситуации – это помощь, что позволит с Законом быть на «ты», а с мусорами – на «цыц».

Хотя и выразил выше неудовлетворённость свою по всевозможным трудам, но всё же благодарен их авторам за дарения мыслей и познаний. Конечно, имею и благодарность ко всем мусорам, что кошмарили всеобъемлюще. Без этого также невозможно постичь было реалии. Желая упростить общение с тобой, перехожу на «ты» и стану именовать тебя «Курсант», соответственно формату материала. Мы не на кафедрах и вне казарм, условия барачно-бардачные. Пребудь фантомным собеседником мне и слухай сюда.

Глава 1. Кто есть кто

Закон так и определил всех участвующих в уголовном деле лиц – Участники судопроизводства. Это общее наименование. Далее, в зависимости от интересов, целей, задач, прав и обязанностей (а также аппетитов, кармы, походки, размеров кошелька и задницы) участники группируются: суд (судьи, присяжные заседатели), стороны обвинения и защиты, прочие (пассивные) участники. Представители судейства призваны разрешать споры по существу и выносить решения в пользу одной из сторон. Стороны – это две подгруппы участников, спорящих перед судом между собой при конфликте их интересов. Сторона обвинения – все те, кто осуществляют от имени государства и жертв преступлений, а сами жертвы – и от собственного имени, уголовное преследование, добиваются разоблачения, осуждения, наказания и возмещения вреда. Перечисляем: прокуроры, дознаватели, следователи, потерпевшие и их представители, истцы. Вторая сторона – сторона защиты – те, кто защищается от преследования, противостоит обвинению: подозреваемые, обвиняемые (они же – подсудимые, осужденные), защитники, ответчики. Ну а «пассивные» участники – все остальные, кто не имеет собственного интереса в исходе судебного спора, его результатов, но привлекаются для обеспечения позиций сторон, производства процессуальных действий и мероприятий: понятые, свидетели, эксперты, специалисты, секретари, переводчики, помощники судей.

Но это строго законодательное распределение ролей и функций (формальные признаки). Мы со школьной скамьи помним три закона дерьмодинамики: Не всякий враг – кто обосрал; не всякий друг – кто из говна вытащил; попал в говно, так не чирикай. В силу этих положений и приведённое отнесение всех перечисленных участников к той или иной стороне, группе очень условны и идеальны, так как в реальности повсеместны размывы, разложение, смещение, подмена статусов – процессуальных положений участников по их действительным позициям по делу. В первую очередь все участники – это живые люди (например, не признают в качестве свидетеля собаку, а потерпевшим – куст малины), наделённые индивидуальными, порой скрытыми чувствами, мировоззрениями, убеждениями, совестью, интересами. Поэтому и о действительном положении участника необходимо судить не столько по его официальному наименованию, но и по фактическому положению в деле. Так, можно наблюдать подыгрывание судьи одной из сторон или конкретному участнику; обвиняемый даёт показания против сообвиняемого-соучастника; защитник способен предать интересы стороны защиты путём «слива» информации; случается, потерпевший поддерживает позицию подсудимого, противопоставляя себя другим участникам обвинения; прокурор, вдруг, создаёт препятствия в уголовном преследовании и добывает сведения в пользу защиты. Так же и свидетели, специалисты, прочие всякие эксперты да переводчики. Казалось бы, они привлекаются к участию в процессе одной стороной, но представляемые ими сведения или их действия оказываются более полезны для противоположной стороны. Нет исключений и для секретаря судебного заседания, который очень творчески может подредактировать содержание протокола.

А отсюда делаем вывод: внешнее обличье участника обманчиво, его наименованию слепо не доверяй. В такой ситуации выгоднее всего всех-всех-всех заведомо считать противниками (не врагами). Здесь применим принцип Презумпции вреда: все считаются вредителями, пока не обнаружится обратное. Соглашаюсь, что такие установки чужды нормальным взаимоотношениям людей. Это правило вынужденное, временное и продиктовано только реально сложившимися обстоятельствами направленной против тебя травли, обмана, лицемерия, произвола, тотальной несправедливостью твоих оппонентов, необратимостью грядущих итогов и отсутствием «второй попытки». Такой (анти-)принцип оправдываем собственной осторожностью и безвыходностью. Казнённому безразлична мораль живых. Так знай же, курсант, что фатальным будет запоздалое выяснение вредительской сути твоих мнимых союзников, как и не полное

знание истинной личности противоборцев. И наоборот, нет особого ущерба при подтвердившейся или вдруг открытой дружественности наименованного союзника, тем паче оппонента. Во всяком случае, никогда не поздно покаяться в недоверии и подозрительности.

Твоей скорейшей задачей является определение истинных обликов других участников производства (кто там под шкурами притаился?), с целью выяснения лисьих морд. Это наиболее коварные противники, их действия непредсказуемы и опасны. Мы, прежде всего, говорим о профессиональных участниках. Редко оборотни встречаются в среде потерпевших, тем более в неактивном сегменте. Выяснение личности опирается, в том числе и на психическое (чувственное) восприятие и оценку поведения, действий и высказываний самого участника или окруженцев его. Вполне доверяй своей интуиции, которая отметит фальшь, нелогичность, наигранность, или открытость, искренность, другие проявления стремлений и воли. В меньшей степени применимы суждения по результатам собственно деятельности. Если эта деятельность не текущая, промежуточная или посторонняя вовсе, то её итоги очень могут быть необратимы, невосполнимы. Выводы окажутся запоздалыми и никчёмными.

В случае же выявления несоответствий в объявленном статусе участника по его наименованию, действительному его положению в процессе, при условии, что такая ситуация может навредить твоим интересам, конечно есть необходимость нейтрализовать, обезвредить или ослабить вредительство. Ату его, ату!

Да, имеются и в самом Законе положения о средствах и способах противодействий по таким случаям. Например, процедура и право отвода. Но отвод участнику возможен только при наличии перечисленных в том же Законе оснований, а также в условиях наличия доказательств предвзятости, несправедливости или заинтересованности в исходе дела у отводимого участника. В большинстве случаев таких доказательств в твёрдо выраженной форме получить не удаётся. Твои личные убеждения и сомнения в чьей-либо чистоплотности останутся только беспонтовыми предположениями. Профессиональные участники (судья, прокурор, следователь, адвокат) свои негативы не подтвердят и не продемонстрируют открыто в действиях или на словах. Суд в таких случаях любые рассуждения о недопустимости чьего-либо участия, в том числе и в свой адрес, отвергнет ввиду их «явной необоснованности». Отвод не осуществится, а лисья рожа лишь станет осторожнее и отомстит при случае.

Одним словом, отвод в указанных случаях непродуктивен. Однако разоблачительный результат сам по себе никуда не делся, и ты его можешь иметь в виду. Знание о двуличье важно для верной оценки обстановки, соотношения сил. Изобличенный (твоим мнением) участник становится отчасти предсказуем, и появляется возможность прогнозировать его деятельность. Более того, эта ситуация позволяет тебе по принципу обоюдности отступить от моральных внутренних запретов. Кое у кого появляется повод взаимно не быть открытым и честным Буратиной, появляется причина для использования тех же приёмов в качестве равного (равноправного) противодействия. Речь идёт о скрытых провокациях, способных привести противника в замешательство, к ошибкам или даже нарушениям закона. Что в дальнейшем грамотном применении может пользу принести: уступки, смягчения, прочие выгоды. Противник твой под флагом добродетели действует супротив тебя грязно и подло? Ты вправе отвечать его же методами. Примерчик.

Обнаружилось заигрывание, ложная самоуверенность следователя, и ты подозреваешь его в негласном сотрудничестве с защитником против тебя. Эти двое всячески дают понять, что обвиняемый обречён из-за достаточности доказательств причастности и вины. Блеф. Таким путём оказывается давление, и вводят в заблуждение разнесчастного тебя. Ну а ты вину не признаёшь либо уклоняешься от каких-либо комментариев по этому поводу, уверен в недоказанности или недоказуемости обвинительных претензий. Явных оснований для отвода адвоката и следователя не имеется. Замена защитника вовсе не гарантирует спокойствия, ну а следователь может тактику сменить, станет более осторожным и, в том числе и нечестными способами,

всё же насобирает необходимую совокупность доказательств. При всём притом ты не знаешь наверняка, насколько эти деятели блефуют. Тогда следует выиграть время, усыпить бдительность и понизить риск вреда. Даёшь понять, что осознаёшь свою обречённость и неизбежность осуждения. Изображаешь полный депрессняк, но твердишь одно: полное согласие с обвинением будет дано только в суде; нет желания сейчас как-либо высказываться по сути обвинения (отвалите, мне хреново). При этом (якобы) имеется твёрдое намерение просить суд (и только на предварительном слушании) об Особом порядке разбирательства, так как (по твоему мнению) только это гарантирует более мягкое наказание. Такое вот тупое упрямство при явно выраженном пораженческом настрое. Велика вероятность, что твоим блеяниям поверят. Для справки: Особый порядок предполагает полное раскаяние, согласие с обвинением и исключает процедуру доказывания обстоятельств (смотри главу 40 УПК). Есть шанс, что следователь расслабится, будет вяло заниматься сбором доказательств и ослабит своё внимание к формированию материалов дела, соблюдению процедурных требований. Ознакомление с материалами дела по окончании расследования позволит тебе перепроверить и сопоставить позиции сторон. Ты же всё это время не сидел, поджав хвост, а неистово собирал свои доказательства? Далее. Вопреки всем заверениям и намёкам, ты в суде не делаешь заявлений об Особом порядке и отклоняешь всякие предложения об этом. Сюрприз. Не только для следователя и псевдозащитника (этому, вообще-то, наплевать), но и для судьи (его тоже заранее предупредят о твоих побуждениях). Со стадии предварительных слушаний нет оснований инициировать дополнительное расследование. Сторона обвинения окажется лишённой возможности доработать свою позицию, существенно переформировать доказательственную базу, переформулировать прежнее обвинение, исправить (отбелить) нарушения, подкорректировать процессуальные документки. Я уверяю, что при должной бдительности, много выгодного для себя брака обнаружишь в деле, их брак – твоя выгода. Указанные приёмы в разных вариациях были использованы в конкретных делах и повлекли разной степени благоприятия, в том числе усечение объёма обвинения, смягчение наказания.

Отдельной подгруппой выделяю таких участников, как свидетели и понятые, но из числа сотрудников правоохранительных структур, а в особенности свидетелей – сотрудников полиции (в просторечье – ментов), кто осуществлял оперативно-розыскное производство по твоему или смежному делу, а также из числа следователей и дознавателей (в просторечье – следаки), проводивших расследование. Эта категория участников в любом случае относится только к свидетелям обвинения, кто всегда будет предвзят в твоём отношении, крайне опасен под своей фальшивой шкуркой. По сути, сами являясь обвинителями и в силу служебных сочувствий обвинению, данные свидетели дадут только выгодные для обвинения и изобличающие (либо нейтрализующие) тебя показания, при всякой возможности скроют, исказят любую анти-обвинительную информацию. Причины: а всё потому, что отрицательный для стороны результат по делу, выявленные нарушения и упущения однозначно поставят под сомнение и качество оперативной деятельности, качество расследования, должностные и профессиональные соот-ветствия, компетентность. Показания таких свидетелей (и понятых в качестве свидетелей) в суде согласовываются, корректируются с другими доказательствами и выверяются под общее лекало обвинения. Эти свидетели всё понимают и готовно поддерживают ожидания стороны обвинения. Они легко уясняют своё предназначение, склонны ко лжи или блуду «во имя справедливости», знают и понимают обстоятельства рассматриваемого дела и нюансы производства по нему, в полной мере посвящены в позиции сторон и лики других важных участников. Их показания, особенно в судебном разбирательстве, заранее проверяются, они готовы к неожиданностям, разворотам ситуаций, чутко определяют «смену декораций» и настроений, способны угадывать ролевые границы. Например. Свидетелю поставлен непредвиденный вопрос или у него вдруг возникли сомнения по содержанию показаний в ответе. Любимым и проверенным приёмом для таких случаев в среде этих свидетелей являются ответы «Не помню.

Ранее давал по этому поводу показания об известных мне фактах и обстоятельствах, подтверждаю эти показания». Другая причина (субъективно-психологическая) в том, что самовоспитание, личный опыт, сложившиеся стереотипы, ложные «честь мундира» и прочие круговые поруки подсознательно удерживают этих участников в рамках интересов и подавляющего влияния стороны обвинения.

Теперь об участниках по порядку и по степени влияния на твою судьбинушку.

1.1. Суд, судьи

Суд – это орган власти такой, отдельная государственная структура, третья, самая стрёмная голова Горына¹. Этого «монстра» абстрактно легко представить искусственно созданным организмом со специальными функциями, задачами, правилами существования и деятельности внутри него и вовне. Но у этого чудовища божьи полномочия – карать зло, вершить справедливость, оберегать человеческие ценности. Странная и страшная мешанина.

Суд существует составляющими его судьями и деятельностью этих субъектов. За вывеской «Суд» роится сообщество этих самых судей. И нас интересуют именно судьи, которые в итоге и от имени государства (считай – Народа, общества в целом!) решают твою участь. Поэтому, когда далее мы скажем «суд», то подразумеваем судей. Ага? И понимаем в числе этой коды судей всех звеньев судебной системы: от мировых судей до председателей Верховного, Высшего Арбитражного и Конституционного Судов, а также присяжных заседателей. Только присяжных обсудим отдельно, так как они качественно отличаются от профессионалов.

Профессиональный характер деятельности судей означает, что судейством, оправлением правосудия они занимаются в рамках своей профессии, осуществляя такую вот трудовую деятельность в должности «судья», являясь специалистами-юристами. Работа это у них такая. Токарь точит, проститутка сосёт, а судья судит. За это денежки получают нехилые (кроме токаря). Работа у судьи властная и кроме большого заработка приносит многие блага лично для них и родни. Судья имеет весомое общественное положение – статус, авторитет, блат. (Блат – не спорю, а по статусу и авторитету – сомневаюсь). Это почётно и удовлетворяет личные амбиции. Есть и отрицательные эффекты, например, угроза мести со стороны недовольных «клиентов». Даже прибить со злости могут. Ну что ж, за всё когда-то нужно платить.

Считается, что судьёй может быть назначен не только обладатель серьёзной квалификации и опыта в области юриспруденции, но и личность, соответствующая высокому уровню духовно-нравственных устоев. Куда там! Как говаривал один уважаемый мною дядька: юристы и педерасты – это тёмное пятно на теле нашего общества. С педиками он, конечно, погорячился. Но ещё смачнее «пятно», когда два указанных субъекта ютятся в одном флаконе.

И если судьям закон (издаваемый, якобы, по воле народа) предоставил реальное право решать твою судьбу, сами они по скромности своей соотносят себя с Высшей Волей (Божественной), веруют в свою всемогущественность, от которой до вседозволенности расстояние плевка. Но мы, курсант, пока оставляем такое восприятие в сторонке и обращаем внимание на другие факторы. Судьи – то ж обычные смертные и ничто человеческое им не чуждо. Они также кушать хотят, дышат теми же атмосферами, также любят своих детей, лечат болячки, имеют настроения или кое-кого имеют, или кое-кто имеет их, мечтают, пукают по ночам.

Закон (Конституция, О статусе судей, УПК) требует, чтобы судьи отличались определёнными качествами, что позволяло бы им принимать правильные решения. Общие требования: справедливость, независимость, беспристрастность, следование только закону, внутреннему своему убеждению и совести. Подробнее:

Справедливость. Эта категория очень объёмна, подвижна, глубоко философична и спорна при попытках её проявления. Не станем вдаваться в научные понятийные определе-

¹ Вedicские сказания донесли до нас модель деспотического государства в образе Горына, три башки которого суть Законодательная, Исполнительная и Судебная ветви власти. И каждая иная часть тела этого гада олицетворяет некий социальный сегмент общества. Соответственно этому структурному представлению наше с тобой место отождествляется с попой на букву «ж». Примечательны причины уродства именно третьей, «судебной» башки. С завидной периодичностью народный гнев в образе витязя обрушивал меч именно на головы Змея. Так как витязь был правша, а суд-башка располагалась телесно крайней справа – а перед лицом богатыря, соответственно, слева, то к ней в большей степени и первым махом прикладывался кладенец. Башка отсталала вновь, но каждый новый клон нёс на себе всё большие следы увечий.

тели. Каждый из нас, пусть вне возможности умненько объяснить, но представляет для себя суть «справедливости» в среде жизненных отношений. Не так ли? Справедливым может считаться то, что правильно, оправданно мнением большинства, отвечает чаяниям нормального существования, с чем согласны при установлении баланса в интересах разных людей и их групп. Правильность, хотя и должна бы устанавливаться с учётом твоего и моего мнений, но наша с тобой точка зрения может не соответствовать усмотрению большинства других людей, в чьём обществе мы варимся. Мы с тобой можем считать справедливым: дать по башке любому, оскорбившему нас. Но вот общественное большинство отвергает такое насилие, как акт несправедливости. И мы должны с этим считаться. Общий же критерий оценки на предмет справедливости явствует из субъективного восприятия происходящего: не поступай так, как не хотел бы, чтобы поступили в твоём отношении, а любые крайности должны иметь разумное оправдание.

Справедливость судей отдельно в законе не обсуждается, но имеются ссылки об обязательной справедливости приговора, справедливости наказания. Естественно, справедливые «продукты» может произвести только справедливый производитель посредством справедливой деятельности.

Любое отступление от справедливости в процессе принятия приговора или назначения наказания автоматически ставит под сомнение справедливость их приёмщика и назначателя. Оценку справедливости приговоров и наказаний вправе делать, в общем-то, кто угодно, но обязательными к учёту будут приниматься только оценочные выводы вышестоящих судов, а по вопросу справедливости судебного разбирательства – Евросуда и Международной комиссии по правам человека. Исходя из того, что несправедливыми признаются только ничтожные единицы приговоров и наказаний, можно бы считать деятельность судов в целом справедливой, а самих российских судей – справедливыми. Неужели? Но взглянем, а кем дана оценка справедливости? Да всё теми же судьями. Ворон ворону глаз разве склюёт? Мнение сторон в процессе, да и народное в целом судебном учитывается только формально. Собственно народ этих всех судей (как и представителей обвинения) не избирал, судьи вовсе не являются выразителями воли гражданского большинства. А четверо из пяти обывателей убеждены в отсутствии справедливости в судах. С чего бы это? И стороны (участники) в процессах, по меньшей мере, в половине от общего объёма жалоб, ссылаются на несправедливость, но лишь в единичных случаях вышестоящие суды соглашались с этим. Я перечислил не все аспекты существования справедливости. Она должна бы проявляться при множестве иных условий и требований к судебству. Абсолютной справедливости возможно и не добиться, к идеалам только стремиться, но не уходят от них, не отступают так откровенно от этого принципа, как это происходит в России.

Независимость. Судья, формируя свои выводы по спорным вопросам и принимая решения, должен быть связан только мнением и требованиями (позициями) сторон, что излагаются сторонами в открытом заседании гласно. В споре сторон судья может отдать предпочтение какой-либо из этих позиций, как наиболее убедительной, подтверждённой доказательствами или не опровергнутой, несомненной для суда во всех отношениях. Независимость предполагает ограждение от посторонних влияний на мнение и убеждение судьи, когда эти влияния происходят за рамками судебного заседания и обсуждаемого в разбирательстве. Суд может принимать решение, независимое лишь в условиях отсутствия постороннего давления в любой форме от кого бы то ни было.

В наше время независимость судей отличается однобокостью и косолапостью, существует в виде независимости *только* от мнения стороны защиты. Высокие наши правители провозгласили беспощадную борьбу за судебскую независимость при одновременном противодействии коррупции. Прелестно, кабы не одно «но». Коррупция в судах, безусловно, присутствует, да только не в тех масштабах, как это может показаться или как это пытаются преподнести. Речь

идёт об единичных случаях и только о возможных взятках со стороны защиты. Если и можно предположить, что крайне заинтересованный или озлобленный потерпевший способен задействовать финансы с целью, например, более жёсткого наказания подсудимого, то невероятной представляется взятка со стороны прокурора или следователя. С другой стороны, только редкий обвиняемый (его родственники) способны изыскать десятки тысяч американских долларов, тем более отыскать пути их передачи по адресу, тем более результативно, тем более без кидалова со стороны судьи или посредников. С третьей стороны, если проблема коррумпированности судов столь острая и требует чрезвычайного вмешательства, где официальные данные о размахе самого явления, где данные о массовых изобличениях судей и их привлечения к ответственности? Не наблюдаем. Ну так, постреливают изредка председателей судов за не выполнение взяточных обязательств или отстраняют «в отставку». Тогда все визги о тотальном давлении и зависимости от обвиняемой стороны – это блеф, домыслы и что-то третье.

Что-то третье и четвёртое. Оценивать взглядом со стороны не реально. Необходимо проникать в нутро. Да, тяжело без отмычки, да, отвратительно на вид и воняет... Коррупция не исчезла и в зримой перспективе неискоренима вообще. Редкие случаи и возможности мздоимства обросли дополнительными сложностями. Кратно увеличилось число посредников в передачах материальных благ, в разы возросли суммы вручений, и это всё показатель роста цены «страховки» самих судей от изобличений. Здесь страхование идёт добавочной стоимостью от новых рисков, как компенсация от возможных утрат. Уменьшение количества взяточных дел (когда – курочка по зёрнышку) породило рост стоимости единичных актов (нажраться, как в последний раз). Оттого ныне суммы взяток по делам, рассматриваемым региональными и Верховным судами, исчисляется сотнями тысяч у.е., а могут и «лимон» содрать в зависимости от благосостояния «клиента». В случае же вынесения оправдательных или очень мягких приговоров, если, конечно, речь не идёт об их соратниках, немедленно прокуратурой поднимается вой – ставят вопрос о коррупционной проверке дела. В таких случаях судья автоматически попадает под серьёзное подозрение, начинается его травля ещё в отсутствие каких-либо фактов его заинтересованности. И как же быть бедолажке-судье, когда даже без всякой материальной его заинтересованности, следуя вдруг зову совести, он посчитал подсудимого невиновным, а обвинение – необоснованным? Ему бы вынести справедливое решение, но вынужден оглядываться на неминуемые подозрения и проверки, всяческие намёки от руководства и грядущее шельмование и гонения. И только потому, что выводы судьи не совпадают с желаниями стороны обвинения. Что это, как не прямое подавление независимости, причём в изощрённой форме. Но эти обстоятельства почему-то не принимаются политическим руководством государства во внимание. Ой, ли? Да только в этом и есть часть общей стратегии самого руководства в дрессировке и воспитании рядового судейства.

Фактор второй. Гипотетически судья вправе вынести любое решение, какое посчитает правильным. Закон определяет независимость судьи, в том числе и условием независимости от других, вышестоящих судов кассационной или надзорной инстанций, руководства судов и судейских сообществ. В реальности же вся практическая деятельность судов жёстко и нагло регулируется через вышестоящие судебные органы (детей воспитуют родители). Всероссийская обвинительная гидра очень влиятельна и сильна. Прокуратура и Следственный Комитет лоббируют свои интересы в высшей степени успешно именно через верхние судебные эшелоны, имеют там полную поддержку и полное понимание интересов.

Немного проблем у стороны обвинения в случаях обвинительных приговоров. Здесь задача – не допустить отмены или существенных изменений в такой приговор. Другое дело по оправдательным или шибко отличным от изначальной позиции обвинения судебным решениям. Включается механизм агрессии. Ведь идеальных процессов не бывает, не так ли? В каждом деле имеются серьёзные или потенциально серьёзные нарушения законности. Так вот, по обвинительным приговорам вышестоящий суд такие нарушения может в упор не зреть, игно-

рировать или найти им отговорки. В отношении же оправдательных решений любое из таких нарушений или совокупность других малозначных по сути без всяких смущений и грамотно облачают в разряд существенных, поднимают их на обсуждение и по их наличию (основание) отменяют оправдательные приговоры.

А вот же объявился объективный судья с претензией на справедливость и поверивший в свою независимость. Ах ты, лапочка! Он всё же решился оправдать подсудимого наперекор воле обвинителей. Но вряд ли сможет он идеально исполнить все правила разбирательства. Нет сомнений, любые его ошибки и упущения будут обнаружены, в том числе через фантазирование и таковые раздуют до размеров наигрубейших. С этим приговор и отменяют, передав дело на новое рассмотрение другому, более послушному судье.

Ежели наш герой-судья из происшедшего не сделал должных выводов, не уяснил своей глупости, так и последующие его решения по всем другим делам будут с завидным постоянством отменять и пересматривать. Несколько таких отмен – и вот уже персональное дело судьи передают в квалификационную коллегия для решения вопроса о его профессиональной пригодности. Коллегия, если и оставит бунтаря у кормушки, то лишь убедившись, что впредь онный осторожнее будет играть с половыми органами. Такие воспитательные меры оказывают достаточное влияние на сознание и всех остальных судей. По таким случаям и без прямых тычков мордой в дерьмо оказывается понятна политика вершков, каждый может примерить к себе все последствия своеволия.

Фактор третий. За крайне редким исключением все судьи уголовной юстиции – выходцы из органов уголовного преследования и прокуратуры. Эти... граждане (едва не вырвалось – «мерзавцы») имеют опыт только обвинительной работы, они натасканы на подавление любых проявлений защиты обвиняемых (подозреваемых), у них в крови только обвинительные устремления, они напрочь прошиты ненавистью к обвиняемым и их окружению. И это внутреннее состояние в судьях неискоренимо, как необратимая инвалидность.

Уже только по этим причинам можно оценить степень независимости наших судей. Хотя следует добавить, что возбуждение темы борьбы с коррупцией в среде арбитров случилось и с благословения самих судей. Брать «на лапу» не перестанут, а вот через скандал официальные свои заработки задрали существенно.

Беспристрастность. Это отсутствие у судьи предвзятости, когда у него заранее, ещё до исследования обстоятельств дела по существу, отсутствуют, не сформировались какие-либо убеждения или сомнения в правоте или неверности чьей-либо позиции, когда чьи-либо мнения и аргументы до их всестороннего обсуждения и проверки не считаются заслуживающими доверия или отставки. Предвзятый, предубеждённый судья заведомо настроен придирается к любой информации и действиям конкретных участников или стороны в целом. Такому отношению могут быть причины: личная, персональная неприязнь (например, раздражают внешность или поведение); отрицательная информация о деле или человеке, поступившая из сторонних источников или при общении; социальные, расовые, национальные противоречия и любое другое, происходящее из отношений между людьми на фоне уголовного дела. Отношение пристрастности обнаруживается по конкретным действиям судьи: придирки к одному и благосклонность к другому, односторонность предпочтений и выбора, тенденциозность в решениях, в жестах, мимике, репликах и прочих атрибутах поведения и самовыражения. Беспристрастность тесно связана, переплетена с Независимостью, Справедливостью, Предубеждением. И наоборот.

Примеров предвзятого отношения множество и они всплывают в любом деле. Например, стороны заявляют ходатайства об исследовании доказательств. Такие ходатайства от обвинения, несмотря на их явную необоснованность и возражения защиты, суд с лёгкостью удовлетворяет, а ходатайства того же характера от защиты, при всей их приемлемости, всякий раз подвергаются глубокому анализу, критике и в большинстве отвергаются судом. В первом слу-

чае судья изыскивает любые поводы для удовлетворения обращений одной стороны, а во втором – для отказа. Или же возвращаемся к юридической природе судей. Судья прошёл школу прокурорской работы.

Имея такой опыт, когда он в своё время покрывал пыточные действия оперативников по добыче доказательств обвинения, и в новом облики будет внутренне готов с пониманием относиться к аналогичным методам получения информации, готов «отмазать» недавних единоверцев, примет меры, выгодные позиции обвинения.

Убеждения. Такие возникают в сознании судьи, когда в результате исследования всех доказательств и обстоятельств по делу, он приходит к однозначным и твёрдым выводам о верности определённых доводов, доказанности или недоказанности фактов, чьей-либо причастности и виновности в совершении преступлений либо же, наоборот – в их отсутствии. Верные убеждения способны зародиться и утвердиться только в условиях, когда разбирательство походит с чётким соблюдением всех процессуальных предписаний. Это означает в частности, что любую информацию по делу судья должен получать исключительно от участников процесса и по установленной в законе форме передачи и фиксации. А в действительности, уже в первые дни поступления дела в суд, а иногда и до этого, к принимающему материалы судье на «предварительную консультацию» заявляются представители прокуратуры, следствия и даже опера, – те, кто непосредственно дело расследовал или курировал. Они представляют судье собственные разъяснения по делу, сообщают известную информацию, в том числе и не включённую в материалы дела. В результате, задолго до рассмотрения обвинения по существу, у этого судьи уже формируется однозначное мнение, в том числе по ключевым вопросам причастности и виновности. На судью оказывается мощное информационно-психологическое давление, и он обретает убеждение в определённых фактах и обстоятельствах. Конечно, такие убеждения не направлены в пользу защиты. Может ли сам судья отгородиться от таких посещений и «консультаций»? Приёмов проникновения множество, и если судья пытается уйти от общения, то ему может, например, звякнуть и руководитель суда: «Жан Давидович, бля-бля-бля, к вам отправляю гражданина Тряпкина, бля-бля-бля, выслушайте его пожалуйста...». А этот Тряпкин окажется следяком и игнорировать просьбы председателя суда проблематично. Судья будет внимать речам сладким Тряпкина и иметь в виду, что обсуждаемый вопрос уже обсуждался с руководством. Так председатель может и за руку клиента ввести в кабинет судьи и даже остаться на всё время «собеседования». Как это судья будет расценивать, если не прямое подстрекательство, склонение и согласительные симпатии от руководства. В процессах можно наблюдать и иные любопытные картинки. Например, в заседании возникает спорный и сложный вопрос неожиданного порядка, судья объявляет перерыв, удаляется в совещательную комнату (вернее – в рабочий кабинет), а за ним на полусогнутых поспешает гос. обвинитель. Последний прямиком заявится в тот же кабинет судьи и вовсе не бумажку туалетную спросить. Там с его участием произойдёт мини-совещание, то есть очередная двусторонняя консультация в тех же целях убеждения судьи, получения от него советов и согласования позиций. Бывает и адвокаты аналогичный доступ к телу имеют. Но их очередь всегда вторая. А в условия, что старый друг лучше новых двух, что он борозды не испортит, разве что только воздух, и друзей на переправе не меняют, шансов переубедить – мизер.

В других случаях убеждения могут возникать и из общения с не участниками процесса: с тем же судебным руководством, другими судьями, знакомыми и не очень знакомыми, от кого направленно или украдкой поступают акцентированные просьбы или тематическая информация. О иных аспектах обстоятельств дела судья может узнать из средств массовой информации. Презумпция невиновности на такие «новости», кроме утвердительных выводов о вине, не распространяется. Безусловно, эти сообщения и комментарии, которыми порой целенаправленно в отношении некоторых конкретных дел, а иногда и целой их плеяды создаётся массовый пси-

хоз и формируется общественное мнение с косвенным умыслом поднадуть на судей, – этот информационный ушат может отложиться в сознании судьи и повлиять на его убеждения.

Наибольший вред несут предварительные убеждения – предубеждения, особенно те из них, что коренятся в судьбе по его прошлому опыту, влачатся за ним поганым хвостом прежней следственно-прокурорской практики. Ясно, что такие убеждения крайне опасны целям защиты уголовно-преследуемых и разрушать их чрезвычайно сложно.

Законность. Признаем, судьи являются знатоками законодательства.

Наиболее грамотны судьи второго звена (областные, краевые, республиканские, окружные, городов Москва и С.-Петербург) и Верховного Суда РФ. Хотя формально судьи и всеядны, но в их среде присутствует разделение – специализация по различным отраслям. Это оправдывается объёмностью, массивом нормативов по большому числу отраслей права. В существующем океане всеразличных правил (законы, постановления, указы и пр.) ни один юрист физически не способен стать равно просвещённым спецом во всех отраслях (гражданское, уголовное, процессуальное, таможенное, налоговое и др.). Именно поэтому судьи специализируются по более узким направлениям. Особнячком стоят судьи, рассматривающие только уголовные и административные дела, по которым может быть применена такая мера ответственности, как наказание. Такие судьи образуют так называемые Коллегии по уголовным делам.

Кроме знания законов требуется знание и судебной практики. Такая практика в России опирается на разъяснения и решения вышестоящих судебных органов (президиумы, пленумы, кассационные и надзорные инстанции судов), а также на решения квазисудебных органов (Евросуд, Международная комиссия). Наибольшей юридической силой обладают решения Конституционного Суда РФ. Но здесь следует знать, что практические указания и решения (прецеденты) в нашем государстве, в отличие от стран с главенством прецедентного права (США, Великобритания), не имеют силу законов, не обязательны для судов, кроме решений Конституционного Суда РФ, Евросуда, Международной комиссии. Суды только лишь могут их учитывать при вынесении своих решений (а могут и не учитывать). Это связано с широтой действия принципа независимости судов – даже от вышестоящих инстанций. Таким образом, судья по своему усмотрению может принимать во внимание любые разъяснения или не принимать (хотя знает о них). Всё зависит от желаний и воли, а в существующих реалиях такие полномочия судей не следуют интересам защиты.

Наш процессуальный закон (УПК РФ) в его первоизданном виде считался едва ли не самым прогрессивным в мире. Это так. Продуманность и стройность этого закона отмечались авторитетными экспертами права. Проблемой было только то, в чьих руках Закон оказался. Принцип «закон, что дышло...» в России никто не отменял. Отечественные правоохранные структуры, особенно суды, укомплектованы специалистами такого уровня, кто способен красиво, грамотно, убедительно и выгодно извратить любой закон, вывернуть наизнанку любую норму. Эти деятели способны изыскать достаточно «полезных» изъянов путём хитрого прочтения и толкования любых положений законов, и с успехом их применять для достижения выгодных результатов.

В течении десятилетия Кодекс с помощью законодателя и под яростным давлением мусоров изудокован поправками настолько, что места живого не осталось на теле его. Всего один пример.

Покоится в УПК сладкий принцип Состязательности. Кроме прочего им гарантировано строгое разделение функций сторон (обвинения и защиты) и функции суда при абсолютном запрете подмены этих функций и их заимствования. Согласно этому, в частности, суду не позволено взамен стороны обвинения: изменять обвинение в худшую для Защиты сторону; переформулировать обвинение по существу; способствовать по собственной инициативе добыче новых доказательств обвинительного толка. Суд, будучи связан только позицией сторон, не имел возможности назначит более суровое наказание (то есть, избрать более «справедли-

вую» кару), чем затребовано в судебных прениях гос. обвинителем и потерпевшими. Или же, выяснив в заседании корявость и неисправимость обвинительных формулировок, квалификаций либо в случаях, когда Обвинение «сдувалось» на доказательствах, когда эта сторона не имела или не ловка была в предоставлении дополнительных и более доброкачественных свидетельств, в тех случаях суд не мог подправить обвинителей, спаясостствовать им как-либо в исправлении такой ситуации, но должен был следовать Презумпции Невинности – фактически вставать на сторону Защиты, расценивая все обстоятельства в пользу этой стороны... Конечно, промусорённые суды и в таких условиях умудрялись изворачиваться и содействовать своим. Так, столкнувшись с пороками при бестолковости представителей от Обвинения и перед лицом неизбежного оправдания или прекращения уголовного дела (преследования), гнусные рефери изыскивали, порой высасывая из пальца, формальные основания для «возвращения дела прокурору для устранения существенных[^]) нарушений», позволяя тем самым мусорам исправить «огрехи», не «получив на орехи». Но теперь всё изменилось. Нет, принцип как бы и остался, но его прежнюю силу и действенность вытоптали. При поддержке со стороны Конституционного Суда норы Кодекса подправили, а сохранившиеся переосмыслили, предав им новые значения так, что суды оказались фактически не связаны почти никакими позициями и стали правыми вершить дело своим только усмотрением, в том числе всячески ухудшая положение обвиняемых. Несмотря на предложенные обвинением доводы об обстоятельствах, доказательствах, квалификации действий и мерах ответственности, суды, в том числе и вышестоящих инстанций оказались не только вправе, но обременены обязанностью выводить и постановлять на свой вкус и не считаться с мнением участников от сторон. Так, «справедливый» арбитр может решить, что совершено в действительности не причинение тяжких телесных повреждений, по неосторожности повлекших смерть (ст. 111.4 УК РФ), а прямое умышленное и квалифицированное убийство (ст. 105.2 УК РФ) и предписать казнь вплоть до «пыжика»; обнаружив в действиях составы иных деяний, ранее не заявленных стороной обвинения, судья может и таковые вменить. Что уж говорить о правомочии устанавливать новые или иные факты и обстоятельства, по своей инициативе добывать доказательства и прочее и прочее. «Нет, что вы, – поют нынче судебные чины, – в этом только оплот святого призвания Суда правосудие вершить по справедливости, достойно установленным фактам и обстоятельствам, не будучи связанным позицией стороны, которая может быть и ошибочна и фальшива». И мы теперь с тобой должны поверить, что отсутствует вовсе признак присвоения судом функции, например, обвинения когда вдруг суд сам выяснит наличие нового дока, сам его добудет и к делу присовокупит, сам предъявит уликой его, сам же цену назначит доказательству и на его основе постановит вердикт, которым вместо загаданных обвинением 2 лет исправ. работ тебе отвесят, этак, лет 15 «строгача»?!

Одновременно существует и негласная практика. Законы применяют с учётом тех разъяснений, что даются Верховными жрецами свыше, но без посвящения в эти установки посторонних. Вторая составляющая (источник) этой практики – то понимание законов, к которому судьи приходят как бы своим умом через систему поощрений и взысканий (кнул и пряник?), то есть догадываются, чего от них добиваются руководители, какова истинная воля Вершков. Здесь увязанность с законами в действительном их содержании крайне зыбкая. Точнее – это беззаконие, а только видимость законности. Наибольшую роль в российском уголовном судопроизводстве играет именно негласная практика, по сути, подменяющая законность. Такое положение чудовищно и всеобщее. Поэтому о законности в судах возможно лишь мнить и с достаточной долей иронии внимать по этому поводу рассуждениям судей, толстыми задами оседлавших Каноны.

«Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то сняв оный со стола, положи под себя» (М.Салтыков-Щедрин / История одного города).

Совесть. Статья 17 УПК РФ обязывает властных должностных лиц, и в первую очередь судей, руководствоваться совестью при вынесении процессуальных решений. Это означает, что невыполнение «совестного» требования Кодекса является процессуальным нарушением. Совесть – чувство нравственной ответственности за поведение (чувство того, от кого поведение и исходит). Твой непокорный слуга, не согласившись с приговором и другими решениями по делу, отдельным доводом жалобы указал: «в ходе уголовного судопроизводства по делу судьи, прокурор и следователь нарушили положение статьи 17 УПК, так как при вынесении решений не руководствовались совестью». Хотя имелось множество и других нарушений, в той жалобе я ограничился только этим указанием о бессовестности. И что же кассационный суд на это ответил? Да ничего. Им была дана лишь формальная отписка об отсутствии существенных нарушений УПК.

Если существует норма закона, то прописанное в ней правило (обязанность, право) должно не только соблюдаться, но быть обозримой и контролируемой. Да только такой аспект, как человеческая совесть не поддаётся сколь-либо достоверной и однозначной оценке и проверке в процессе, чтобы заинтересованные участники (очевидцы применения совести?) могли добиваться разбирательства «по совести», то есть честно. Законы и официальные разъяснения не дают определения понятия «совесть», тем более в процессуальном значении. Отсюда непонятно, как различить чувства участников, тем более, если это чувство нравственной ответственности; о каком поведении может озаботиться чувство ответственности и т. д. Я не встречал в судебной практике обращений к суду с доводами о бессовестности, не известны мне судебные решения, где бы обсуждались вопросы совести, тем более, чтобы по таким доводам пересматривались решения, оценивались чьи-либо действия. Это объясняется размытостью самого понятия «совесть», не принятия его судебной системой в достойном значении и толковании. Указанная норма о Совести сейчас является не рабочей, а пустой декларацией – провозглашением в форме сотрясения воздуха. Если мы не можем обоснованно апеллировать к совести судьи, к её наличию, отсутствию или качеству, когда использование совести не может быть зафиксировано, измерено (представь оборудование для этого), то это позволяет Им вовсе не «включать» совесть в работу.

Итак, на лицо серьёзные проблемы с применением в процессе заглавных принципов со стороны отечественного судейства. А это, в свою очередь, крайне ослабляет действие всех остальных, на них основанных, правил судебного производства и самое главное – права на защиту (пшик!).

Общегосударственная политика в отношении судей и судебной системы за последние 15 лет, в большей части проводимая с подачи силовиков и тщедушностью высшего судебного руководства, привела к полному моральному порабощению судей. Сформировалась стая послушников телячьего склада ума, членам которого, с одной стороны, позволено считать себя властными, вольготно кормиться и пользоваться благами, а с другой – ограничено пользование принципиальными гарантиями в границах барской узды. 90-е годы пропустили в судебные органы множество бестолочей, правовых извращенцев, корыстолюбцев, носителей иных низменных качеств. Должность судьи можно было попросту купить или овладеть ею по протекции. Малые заработки в канве инфляций, перегруженность в делах, бесконтрольность работы и подбора кадров привели к повсеместной распушенности и мздоимству. Этим успешно воспользовались федеральные спецслужбы и прокуратура. Факты стяжательства, аморальности, бескультуры, нередко и преступлений целого поколения судей воплотились в досье-компроматы, используемые для давления на судей. Многие из этого Братства на долгие годы, на всё время службы попали и до сих пор остаются под «колпаком» спецслужб и выбраться из этой смрадной ямы по собственной воле не способны. Заложники своих грехов, чья отставка возможна только через тюрягу или петлю, или когда Папа вольную даст. А из-за собственного

ничтожества Им остаётся только покорно следовать указке под угрозой разоблачений и срамной ответственности.

Годами селекции образован властный клан, который в нутро своё чужаков не пускает, действительных своих устремлений не кажет, абсолютно и обоюдно лоялен к силовикам. Будем оптимистами, в ближайшее время это гнездовище не может быть вытравлено или хотя бы облагорожено. Слишком глубоко въелись тухлые споры и пущены корни по всем ступеням и этой власти и их кооператоров. Должны бы пара поколений быть пережиты, чтоб нейтрализовалось вредоносное воспитание, выветрилось всё мусорское. Они сами себя загнали в этот тупичок, а глупый народец (в том числе и мы с тобой) позволил такой власти родиться и, в общем-то, удовлетворён таким положением.

Некто Серёга Кулешов высказался за то, что само существо и деятельность российских уголовных судей – есть прямое доказательство отсутствия Бога, кармических законов и всемирного мысле-информативного поля. Его аргумент: При наличии любого из трёх, в условиях тотальной и умышленной несправедливости судейства, в условиях бесчисленно-искренних проклятий и заслуженной ненависти в их адрес, судьи не могли бы оставаться безнаказанными Свыше, а изопли бы едкими язвами, бились бы в агониях порчи и мутились рассудком. Любопытное заключение. А по мне, так одна отрада: если есть Царствие Небесное, то этих деятелей Там безусловно высекут ещё у порога в Канцелярию.

Вывод: Судьи подразделяются на две категории: «Ваша Честь» и «Ваша Нечесть». В уголовке властвуют подавляющим числом судьи второй категории. Пидорасты не причём.

1.2. Прокурор, следователь, дознаватель

Я намеренно объединил этих участников в одну упряж – знаменитая «русская тройка», что без каюра способна в тундре нарты доставить к месту любому. Закон от каждого из них требует выполнения двоякой функции. Во-первых, уголовное преследование причастных и потенциально виновных в совершении преступлений; во-вторых, защиту от незаконного преследования и защиту прав потерпевших. Кроме того, прокурор ещё наделён обязанностью надзора (контроля) за законностью всего уголовного расследования. Однако в настоящее время прокуратура и органы расследования негласно, но фактически отказались от защиты обвиняемых и выступают только в качестве уголовных преследователей, то есть активно осуществляют лишь обвинительные функции. Косвенно такой отказ оправдывают наличием принципа состязательности о строгом разграничении функций обвинения и защиты у сторон в процессе: есть защитники-адвокаты, это их хлеб и прямая обязанность, вот пусть и защищают. Да, в этом есть своя правда. Что за двуликий Анус (простите, Янус), двубортный болван, пытающийся в себе совместить противоположности – средоточие внутреннего конфликта!

Из такой установки есть исключение. Когда обвиняемый полностью согласен с обвинением, деятельно раскаивается в совершённом, он может рассчитывать на некоторую защиту и покровительство со стороны представителей обвинения, в том смысле, что будет поощрён их ходатайством перед судом о более мягкой ответственности, может рассчитывать на другие послабления (меры пресечения, вопрос ареста имущества, конфискаций, дополнительных ограничений). Но на такой, действительно благоприятный исход и обещания не следует слепо полагаться. Нередки случаи надувательства.

В любом случае, вопрос об отношении к обвинителям стоит проще. Они все – явно противостоящая и недружественная сила для обвиняемого. А зная такую основу легче выстраивать любое общение.

Ранее уже ссылался на негласное могущество представителей обвинения и, в первую очередь, прокуроров, которые вхожи не только в судебные кабинеты, но вольготны в отношениях со всеми другими властными и ведомственными представительствами. Странное межвластное положение дало прокурорам серьёзные рычаги давления (влияния). Именно через прокуратуру, если, конечно, нет личного знакомства, следователи и дознаватели проводят свои интересы в судах и добиваются выгодных решений. Но не следует проклинать и ненавидеть всех этих гонителей, а сочувствовать им, жалеть их нужно и любить, как дедушка Ленин любил детей – часто и в разных позах. Такая уж их работа – от имени государства бороться с преступностью. Добиваются они своих целей всеми доступными средствами и методами, в меру своего развития и здоровья мозгового, в том числе и не совсем законными способами или даже вовсе незаконными. Произвол их распространяется настолько, насколько это им позволено. А коль спустили с цепи без намордников, то нечего пенять на эпидемию бешенства.

Представители обвинения задачи реализуют в порядке структурного соподчинения по вертикали: сверху вниз и наоборот. В зависимости от разных обстоятельств дела, условий и внешних факторов. В первом векторе высшие эшелоны дают команды «фас»: разобраться, установить, изобличить и наказать. Зачастую даётся чёткое направление поиска, адресат гонений и даже желательные результаты. Тогда, под полным покровительством и во исполнение воли вожаков, уголовный сыск и орган расследования выявляют жертву и приводят дело к логическому завершению, не особо придерживаясь своих компетенции и полномочий. В обратном порядке, опера, дознаватели или следователи сами устанавливают изначально все признаки преступности и круг сопричастных лиц, а далее добиваются через прокуратуру своих целей по преследованию, осуждению и карам через суд.

Возвращаться – дурная примета, мы в приметы не верим и вернёмся к краеугольному понятию «убеждение». Именно убеждение играет главную роль в разрешении всех вопросов при производстве по уголовному делу. Это обстоятельство всегда держи во внимании. В большей части из-за недооценки или полного невнимания к убеждениям обвинителей и суда проигрываются дела и рушатся надежды. Да, курсант, и закон, и совесть, и доказательства – всё первично. Но убеждения, из этих трёх происходящие, как снежный ком формируются в сознании, умах Творцов правосудия, растут и крепнут, и плывут по черепакам от рядового опера до высших судебных инстанций и далее по всем лакунам общественного мнения. «Он виновен, остальное – формальность, вор должен сидеть в тюрьме». И в обратном порядке, но реже. Отсюда коренной задачей подозреваемого (обвиняемого), то есть твоей является точное установление сути убеждений преследователей, выявление в них промоин и трещин, нахождение тех рычагов влияния на эти убеждения, что позволят сломать вредные тебе и привить полезные. Но, чёрт побери, как же это трудно!

Аналогично судам и вследствие кризисных прошедших лет, органы ментуры, расследования и прокуратуры покинули грамотные, воспитанные и идейные сотрудники. Многие тыщцы. Им на смену была допущена дикая стая корыстных, неученых наглецов и лицемеров. Сия орава оккупировала все властные ступеньки, порошки, перильца, навязала собственный порядок, переписала под себя все правила и принципы судопроизводства, размозжила традиции, выдавила остатки ясномыслия и планомерно раздавила всех, кто покушался с протестами и не держал строй при новых методах ведения войны. Обычным явлением было, когда следователями и помощниками прокуроров набирали желторотых старшекурсников юрВУЗов. Что тогда говорит об операх... Невежество, распушенность, беспринципность и алчность естественным образом привели к примитивизму и беззаконию в работе. Когда следователи оказались неспособны добывать качественные доказательства, тактически грамотно вести расследование и процессуальное оформление дел, а прокуроры сколь-либо эффективно контролировать, все они вернулись к ветхим и запрещённым приёмам: шантажу, пыткам, обману, провокациям, фальсификации, подлогу. Эта позорная эпопея, конечно, временем изойдёт, но сейчас все такие условия – данность, с которой придётся считаться.

Несмотря на то, что представители обвинения наделены законом самостоятельностью и независимостью, имеют возможность не соглашаться меж собой и даже оспаривать решения и действия друг друга – всё условности. Ментовка, органы расследования и прокуратура находятся в полном согласии и сплочённости. Они прут единым фронтом. Все, изредка случающиеся склоки внутри этой триады, легко разрешаются, чаще всего просто наиграны с целью создания у сторонних наблюдателей впечатлений об объективности и усердии в работе. Подобное не должно тебя вводить в заблуждение, тем более обнадёживать безоглядно. Хотя лица и различны по внешнему облику, но это всё разные лики одного чербера, при общих брюхе, лапах и страстях его. Для них верх блаженства, дело «чести» – изгнать обвиняемого за порог осуждения, на ту сторону Стикса. Почти любыми путями. Знаков смущений не обнаружат на челе, ни одной жилкой не вздрогнут от того, что может быть обвинён и осужден невиновный. Они, солидарно с судом, лишь формально ответственны за свой блуд, но ответственности, как правило, не несут. И знают о том.

Уровень профессиональности нынешней плеяды дознавателей и следователей за последние годы слегка подрос, хотя всё ещё преобладают в их рядах откровенные тупачи. Самое опасное в племени этом – отсутствие правовой культуры и властная распушенность, как жизненное кредо. Эти могут узконаправленно знать уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Но осмысленности и правильности в применении оно не имеют, действуют по шаблону и интуиции. Что до других законов и отраслевых актов, которые также должны приниматься во внимание и применяться, то здесь полный отстой. Они повсеместно допускают грубейшие нарушения, которыми можно с успехом пользоваться при защите. Тем более, что

эти же ошибки и нарушения не различают и не устраняют вышестоящие контролёры – руководители отделов и прокуроры. Последнему фактору причина в том, что и сами эти контролёры по сути фуфлыжные, выродились из дремучего поколения 90-ых годов или закрывают на всё глаза. Лично я по собственному опыту разве что только парочку представителей этих структур смог различить, перед чьей грамотностью и разумностью готов коленья преклонить. Несмотря на то, что их знания и опыт были против меня направлены, но противники достойные, от таких не стыдно по лещам получить. А по большому счёту, что имена их скрывать. Это – Юра Бурцев (ныне прокурор-криминалист Тверьоблпрокуратуры) и Сан Саныч Булавкин (ныне судья Тверьоблсуда).

Большим же числом дознаватели, следователи и прокуроры в своей работе опираются на сложившуюся практику и уверенность в то, что суды сами исправят или проигнорируют их недочёты и нарушения, в крайнем случае, простят, отнесутся с пониманием. Здесь срывает механизм обратной подстраховки и обоюдного крышевания, в русле уже упомянутого обвинительного пристрастия российских судов. Ну, не окрепли власти ещё в структурной независимости.

1.3. Оперативные сотрудники (опера)

Хотя они и не указаны в процессуальном Законе в качестве участников судопроизводства, но таковыми реально являются под личиной «орган дознания». Их участие значительно. Операми являются сотрудники криминальной полиции, спец, подразделений, таких органов, как ФСБ, ФСНК, Налоговой полиции, Таможенного комитета, Исполнительной службы и некоторых других «силовых» структур. Именно на плечи оперов, кроме погончиков, взвалена работа по обнаружению и закреплению первичной информации о преступлениях, лицах, взаимоотношениях. Они выявляют очевидцев, свидетелей, подозреваемых, опрашивают их, разыскивают улики и частенько занимаются их сбором. Вся совокупность полезной информации далее передаётся органу расследования и прокуратуре для решения ими вопроса возбуждения уголовных дел, формирования обвинительных базы и позиции, в частности, по установлению событий преступлений и официальному преследованию сопричастных. Смышленость, опыт и энергичность оперов задают перспективу и успех расследования. При в основе эффективности их деятельности, несмотря на смены вывесок над этим ведомством (милиция, полиция), ротацию кадров, обновление методов и условий деятельности, остаётся главный фактор – неизменная суть оперов.

«— А кто такие эти полицейские? – Бандиты! Честное слово бандиты». (Н. Носов / Незнайка на Луне).

Большая часть работы оперов скрыта от посторонних, они освобождены от обязанности посвящать в процесс своей деятельности следователей, прокуроров и суд. Сами по себе ход и результаты их работы в основном не будут отражены в материалах уголовного дела. Исключением станут только те из сведений, которые посчитают необходимым приобщать и использовать в качестве доказательств. Тем более, когда такие сведения единственны в своём значении для дела или существует заведомая договорённость в получении именно таких доказательств, например, по поручению от следователя.

Сами опера могут выступать в качестве свидетелей по известным им фактам и обстоятельствам, и давать значимые для дела показания. Такие показания имеют ценность для следствия и обвинения. Опера-свидетели только с формальной точки зрения могут считаться незаинтересованными в исходе дела. В действительности же им напрямую близки интересы стороны обвинения, так как именно опера ранее и инициировали конкретное дело, преследование и определяли сам факт преступления. При ином, оправдательном развитии разбирательства по делу и в оперов полетят камешки, и они огрызнутся в ответ. Однозначно, при негативном развитии расследования и обвинения, дело не только может развалиться, но и будут разоблачены их некомпетентность, упущения и прямые нарушения. Потому-то показания таких свидетелей отличаются чёткой направленностью, выверенностью и согласованностью с другими доказательствами и общей версией обвинения. Эти заранее знают, что и как сказать, о чём умолчать, как от скользких вопросов уйти, как врать без предательского румянца на щеках. Поэтому-то и затруднительно опровергать показания таких свидетелей, изобличать их предвзятость. Особенно, когда их показания – единственные по конкретному обстоятельству, и на них всё завязано.

Оперативная деятельность регулируется специальными законами: Об оперативно-розыскной деятельности, О полиции (милиции), а также рядом Инструкций, Приказов, Решений руководства по конкретным делам. Но эти законы и подзаконники настолько туманны и расплывчаты в формулировках правил, что в них фактически отсутствуют чёткие формы и пределы для большинства из возможных оперативных действий, из них не установить однозначный смысл и содержание властных полномочий. Поэтому нормы Законов понимаются и применяются в достаточно вольном режиме и позволяют по сути откровенный произвол.

Операми в полной мере и эффективно используются негласные методы работы. Их негласные мнения и убеждения по цепочкам, воздушно-кашельным путём передаются следователям (дознателям), прокурорам, а в необходимых случаях и судьям с целью развеять возможные сомнения. Здесь эти убеждающие доводы в словесной и письменной форме могут подкрепляться информацией, которая по тем или иным причинам недоступна к открытому обсуждению даже в суде (засекречена, компромат, незаконная добыча).

Вторая негласная функция – оперативное сопровождение дела, которое не прекращается и после вынесения приговора, и даже после его исполнения.

Со времени установления факта готовящегося или уже совершённого преступления опера устанавливают контроль в отношении конкретных участников и влияющих лиц, организаций, отслеживают значимые изменения в позиции сторон, особенно стороны защиты, пересмотренного содержащегося под стражей обвиняемого, изыскивают рычаги влияния и давления на тех субъектов, кто может ухудшить обвинительную обстановку. От такого контроля не ограждены, в том числе и судьи, против которых, в случае нужды также отыщется достойный компромат.

Нет возможности перечислить все способы и приёмы оперативной деятельности. Сей труд многогранен и связан со свободой творчества. Я не отрицаю наличия настоящих профессионалов в среде оперов, кто придерживается позиций честности и долга, а результатов добиваются в рамках Закона. Мне известны такие парняги и они достойны уважения. Но они сейчас скорее исключение, они на положении отщепенцев, являют собой альбиносов в общей срамной стае. Временами законность можно наблюдать в простых и однозначных делах, когда отсутствуют проблемы в получении нужной совокупности доказательств, обстоятельства дела очевидны, а обвинительная версия убедительна. Но нам важна деятельность оперов за границами таких «иногда».

Не правильно говорить о беспринципности оперов или об утрате ими идеалов. Принципиальность и идейность в наличии, только вот они в таких, на наш взгляд, уродливых формах существуют, переродившись из прежнего или привнесением извне. Что не мешает ментам, а, наоборот, принято как должное, приемлемым и актуальным. Те же нравственное разложение, низвержение былых ценностей и приоритетов, вседозволенность, безграмотность и круговая порука привили чернуху и пакость в работу оперов. Их новым определителем стала характеристика возможностей – это такие парни, кто может дать по башке любому обывателю без всяких для себя последствий. Ныне любой занюханный оперок позволяет себе и считает нормой применять шантаж и провокации, пытки и угрозы, обман, подлого и фальсификации. Все такие приёмчики используются (с подачи Г.Жиглова) опять же под флагом «преступник должен сидеть в тюрьме», с целью облегчить путь доказываний и силой преодолевать защитные редуты. В этом девизе человечка считают «преступником» ещё до всяких приговоров. Во главу пяти углов, особенно по делам, где нет очевидцев преступления, вернулась Мать доказательств – признание обвиняемым своей вины (Здравствуй, мать!). Когда обвиняемый не желает добровольно признать свою причастность и виновность, посмел скрывать подробности происшествия, тогда в ход пускаются мышечная физика и обман – грязная оперативная работёнка. Пыточный станок не заржавеет, пока в маслёнках не застыл курдючий жир.

1.4. Потерпевший, частный обвинитель

Эти участники являются жертвами, пострадавшими от преступлений, когда эти преступления были направлены против них и (или) их имущества, законных прав и интересов. По смыслу Закона, преступлением потерпевшему должен быть причинён вред здоровью или моральный вред (нравственные и физические страдания), или имущественный (материальный) ущерб, в любом сочетании таких компонентов.

И вот нюанс: жертвой потерпевший должен сам себя считать, он ей не может стать одним лишь восприятием окружающих. Здесь правит только мнение и воля того человека, именно в отношении кого и совершены предположительно криминального характера действия. И если человек отрицает по себе всякий вред и ущербность, даже если он и физический вред отрицает, несмотря на наличие явных и зримых пореждений, например, вопреки заключениям медиков утверждая, что переломы рёбер не тяготят его, ухудшающих изменений он не ощущает, а то и напротив – более комфортно себя чувствовать стал, – то нет никакого вреда и ущерба; значит человек этот Жертвой не является и не может принудительным порядком, повелением чьим-то быть признан таковой. «Не лепите из меня мученика!». Что, мало случаев, когда «жертвы», например, «изнасилований» влюблялись в своих «насильников»? Помню, как сам однажды «встретил» первую любовь свою...

Частный обвинитель – это просто разновидность потерпевшего по делам о незначительных преступлениях. В таких случаях мнение частного обвинителя является основным. Он сам возбуждает и прекращает уголовное дело и преследование, дело может окончиться и мировым соглашением по воле такого обвинителя.

Существует большое число так называемых публичных дел, где отсутствует участник-потерпевший. Например, дела о незаконном обороте наркоты. Но фактически и здесь потерпевшая сторона существует. Потерпевшим должно считаться общество в целом – то есть государство, от его имени как раз и выступает прокуратура и следствие. Да только отчего-то государство аналогичным с просто гражданами образом не признают пострадавшим в установленном порядке. И это странно. Рассуди: Государство – это, кроме пространств и территорий, народ, толпа. Толпа – это все и никто конкретно. Государство не может претерпевать или страдать. А нет конкретного потерпевшего – нет и преступления, так как интересы общества – это фантазм.

Если потерпевший в результате преступления погиб, допустим, в случае его убийства, факт его смерти позволяет передать (делегировать) его права и обязанности одному из близких родственников. Такой потерпевший может одновременно являться и потерпевшим ввиду причинённого и ему морально-материального вреда, в том числе по причине утраты близкого человека.

Участие потерпевшей стороны изначально считается, подразумевается обвинительной. Всё верно. Потерпевший пострадал от посягательств и, значит, вправе рассчитывать на справедливое возмещение своим утратам, добиваться восполнения ущерба и вреда, требовать наказания виновных всеми допустимыми законом способами. Логично ожидать, что потерпевший будет выступать против тебя и достаточно агрессивно. Это будет соразмерно его лишениям и обычным чувствам мщения. Его активность в процессе, при собственной процессуальной мало- безграмотности и направленность всех его настроений только супротив тебя наверняка будет подогреваться гос. обвинителем, адвокатом-представителем, а то и самим судом. Прокурор, хотя формально и призван равно охранять права и интересы обеих сторон в процессе, то есть и стороны защиты, в действительности основное внимание уделяет интересам обвинения, с частности, пострадавшей стороне, и старается, во всяком случае, влиять, регулировать

участие потерпевшего в общем русле позиции обвинения. Чтобы все участники одной этой стороны выступали общим фронтом и согласованно.

Но случаются исключения: полная пассивность потерпевшего или его фактический переход на сторону обвиняемого, сопереживание судьбе последнего. А всё потому, что потерпевшие в большем их числе – простые обыватели, и им, в отличие от должностных властителей, не чужды нормальные человеческие чувства: совесть, честность, сострадание, милосердие, ну и корысть, конечно... Мнение потерпевшего, в том числе о мере наказания, обязательно учитывается. И этот фактор должен влиять на решение суда. Естественно в разумных пределах, когда, например, не вправе мы ожидать полной безнаказанности за особо тяжкие деяния. Ну а на мнение потерпевшего вполне можно повлиять и в пользу защиты. Только без всякой злонамеренности и обмана. Не забывай о присутствии у каждого человека эмоций и интуиции. Когда потерпевший почувствует фальш с твоей стороны, эффект от усилий будет не только обратный, но и более разрушающий.

Этого, противоборствующего тебе участника-обвинителя опасаться следует в наименьшей степени. Да, у потерпевшего много прав и негласных преимуществ, позволяющих ему добиваться твоего осуждения и наказания.

Но он явно не способен вовремя и правильно, тактически обдуманно воплощать свои права и правила производства, больше полагается на прокурорских. Даже при подсказках, консультациях прокурора или адвоката, отсутствие знаний и опыта сковывают его активность. Чаще всего они только поддакивают обвинителям и доверяют усмотрениям суда (а эти уж усмотрят!). И вот последней такой позиции потерпевших следует всевозможно препятствовать, так как это твоим недругам ручонки развязывает, распоясывает их. А через ручонки и пояски те – всё плети да кандалы расправные против тебя.

1.5. Защитник

Таким, следуя букве Закона, может выступать в первую очередь профессиональный юрист-адвокат, а наряду с ним, то есть *одновременно* с участвующим адвокатом – любое другое лицо. Соответственно, неучастие в деле адвоката-защитника само по себе исключает и участие на стороне защиты «вольного» защитника. Такое правило не только затрудняет помощь со стороны специалистов, не принадлежащих к клану адвокатов, но и используется для отстранения от участия неугодных, вредных обвинителям и суду правозащитников. Ведь может быть и так, что «вольный» слишком активен, умён, смышлён (от слова «мышь»), более рьян в процессе, чем адвокат, не контролируем, и в силу своей настырности не соблюдает корпоративные «правила игры», а становится «костью в горле». Тогда находятся причины для вывода из дела основного защитника-адвоката (болезнь, срочный отъезд, война и прочее). А это обстоятельство используется для автоматического отстранения из процесса и вольнозащитника.

Тот факт, что ты назначил своему адвокату солидное вознаграждение или же он в дружбанских, близких отношениях с тобой, твоей семьёй, – это вовсе не гарантирует качества, надёжности и обеспеченности самой защиты, не означает успеха по делу. Во-первых, обвинение может быть достаточно снабжено доказательствами против тебя, а обвинительность приговора и жёсткое наказание – неизбежны, как пришествие Христа. Здесь возможно лишь добиваться послаблений в наказании и выслуживать более щадящую квалификацию действий. Во-вторых, твой успех по делу напрямую зависит от профессиональных и человеческих качеств адвоката (с акцентом на второе), а также согласованной воли участников от защиты.

Лично по моему мнению, нынешняя адвокатская братия в подавляющей своей массе достойна только презрения. И причины такому отношению множество. Степень твоей защищённости участием адвоката определяется толщиной твоей кошельки. Даже официальные ставки оплаты услуг адвокатов достаточно высоки (порядка 500–800 руб./трудодень) и обременительны для обывателя. Но это – сущая мелочь, когда речь заходит о реальных запросах. Неофициальные «чёрные» выплаты во многие разы превосходят разумные размеры ценности самих услуг, редко соответствуют действительному объёму и качеству работ, значимости всех усердий. А это является чистейшим грабежом и надувательством. Да, они бывают авторитетны и «профи» вполне, их вознаграждение вроде, как и связано с добровольным согласием клиента, а соизмеряется с ценностью твоей же свободы или будущих снисхождений. Фактически же адвокаты попросту наживаются на горе обвиняемых и их родных, сродни похоронных бюро. К их помощи вынуждены обращаться от отчаяния и при ограниченном выборе.

Твой арест и уголовное преследование всегда внезапны, к таким заворотам судьбы невозможно быть готовым заранее, даже подозревая таковое. Поэтому выбор и привлечение защитника носят срочный характер. Отыскивают адвокатов почти случайным методом «тыка» – из ближайших контор и по советам знакомых. Велика вероятность непоправимо ошибиться в выборе, нарваться на негодяя, как на мину-квакуху. И встречный явиться шанс у адвоката-проходимца заполучить заказ, пустить пыль в глаза и поиметь дармовой доход путём разграбления бюджета твоей семьи.

Да хрен бы с ними, с деньгами! Первые дни и даже часы твоего пленения, привлечения подозреваемым (обвиняемым), да в условиях внезапности, имеют решающее значение. В сжатые сроки, настырно, агрессивно, грязно проводятся первичные следственные действия с твоим участием и против зарождающейся позиции защиты (допросы, очные ставки, обыски, осмотры, опознания и др.). В этот период следствие старается заполучить весь объём обвинительных доказательств и установить над источниками информации свой контроль. Оттого так важно эффективное участие, реальная и своевременная помощь нормального защитника. Только это и сподобит сдерживать первые удары, самоукрепиться психологически и доказа-

тельственно, оказать своё влияние на дальнейшие решения правоохранителей всех мастей. А я утверждаю, что большинство дел изначально обрекаются на провал защиты только лишь по вине защитников-адвокатов. Особенно это касается так называемых «дежурных» адвокатов (так их и называют – мусорские), привлекаемых к участию по выбору и назначению следствия или суда. Мало того, что помощь от них нулевая, так ещё и крайний вред успевают причинить подзащитному. Это творится умышленно путём бездействия или же прямого обмана, введения в заблуждение.

Старая как мир проблема. «... Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничают. Заранее им объявлять: если ты, сукин сын, позволишь себе самое малейшее неприличие или политический оппортунизм..., то я, подсудимый, тебя оборву тут же публично, назову подлецом, заявлю, что отказываюсь от такой защиты...» (В. Ульянов, в девичестве Бланк/из письма Е.Стасовой, 1904год).

Начнём с того, что независимость, профессионализм современных адвокатов сомнительны. Всё обусловлено той же общей политикой властей, формируемой под гнётом только интересов силовиков. Это определило состав адвокатского корпуса в сторону полной разложёнки и упадка. Квалификационные коллегии, избирающие и экзаменующие юристов, сплошь состоят из представителей судов, прокуратуры и руководства адвокатур. Решение «принять – не принять» зависит от совокупности факторов, и знания, опыт, разумность здесь далеко не решающие. Даже кандидат «семи пядей во лбу» под мнимым предложением будет отвергнут, если экзаменаторы заподозрят в нём нелояльность к силовикам и суду, учуют строптивость, излишки энергии невыгодной, вольнодумство или неприятие всей общей политики. Естественно, что симпатии и предпочтения отдадут «своим» – выходцам из мусарни, ну и блатным – по договорённой протекции от тех же мусоров.

Вот и получается странная и страшная картинка. Открыто тебя преследуют опера, следы и прокуроры. Судят тебя от имени Федерации всё те же следователи и прокуроры («бывшие», а в душе таковые). Защищают тебя так же уроженцы следственно – прокурорской среды. Вся эта публика пронизана сугубо мусорским складом ума, сознанием карателей и палачей. Это – паутина, где всё изначально и беспощадно выстроено только против тебя. Это – ролевые игры, где тебе уготована только роль глупой овцы на заклание. Правила придуманы властями, включая кремлёвские вершки, откуда скалятся «гаранты Конституции», а в прошлом недавнем – гэбисты. Абсолютно волчье, хищное обличье и всережущий клык. И всё окружение стайного типа. Не от них ли ты ждёшь понимания или пощады? Культ личности и раболепство в России неистребимы. Но без этого пока тоже не обойтись. Время такое, знаешь ли.

1.6. Подозреваемый, обвиняемый

То есть ты, курсант. Речь идёт о тебе разнесчастном, презренном, гонимом и лоховатом в процессуальном смысле, конечно. Множество этих пороков требуется скорее исправлять. А так как обсуждение такого участника – тема центральная и наиболее объёмная, здесь заговариваться не стану. Этим участникам будут посвящены отдельные главы. Да и все иные разделы, так или иначе, связаны с правовым положением, процессуальной судьбой уголовно преследуемых.

1.7. Свидетель

Эти участники должны располагать информацией по обстоятельствам уголовного дела и быть способными сообщить такую информацию для целей доказывания. А сама информация должна определяться значимостью (ценностью) – возможностью повлиять на выводы и решения о доказанности, наличии или отсутствии обстоятельств. Простецки выражаясь – это должен быть психически здоровый человек, который обладает знаниями по сути дела из собственных наблюдений, восприятия или от других информационных источников. Соответственно, с помощью таких сведений-доказательств и осуществляется установление фактов (событие, причастность, виновность и прочее), доказывание на следствии и в суде.

Свидетель, как уже отмечено, может быть (и это предпочтительно) прямым очевидцем каких-либо событий в окружающей его среде обитания, когда он лично эти события воспринимал через органы чувств (видел, слышал, осязал прикосновением, унюхал или вкусил). Во всех прочих случаях свидетель является только косвенным (не очевидец, не ухослышец, не...), когда о происшедшем и любых обстоятельствах знает опосредовано, то есть от других лиц из прочих источников (например, из текста документа, по показаниям прибора).

В зависимости от пользы для какой-либо из двух сторон, свидетелей условно подразделяют на две категории: свидетели обвинения или свидетели защиты. Третьего – нейтральных свидетелей Законом не дано, хотя такие и бывают. Условность такого различия определяется тем, что один и тот же свидетель может представлять сведения двусторонней полезности (одни – в пользу защиты, другие – за обвинение), или же одни и те же показания могут быть переоценены, например, из разряда доказательств обвинения перейти к доказательственной базе защиты, или же вообще оказаться никчёмными. При этом, любой свидетель изначально не может быть отнесён к какой-либо из сторон. К началу допроса, да, он ещё нейтрален, но ещё и не свидетель вовсе. За исключением свидетелей в лице потерпевших или и обвиняемых. Наибольшая ценность и объективность свидетеля обеспечиваются его независимостью от посторонних интересов, кроме интересов правосудия. Поэтому, по общей идее, свидетель не должен бы иметь собственного интереса по делу, должны исключаться условия его, пусть даже невольного подыгрывания.

Свидетели – источники и носители важной доказательственной информации – показаний. Хотя формально все доказательства равны между собой, но показания свидетелей в реальности равнее других, им уделяется больше внимания и отдаются предпочтения. Эти показания традиционны, пластичны в умелых руках и обладают духом старейшего вида доказательств. Во всех без исключения обвинительных актах такие показания занимают наибольший объём и оказывают решающее влияние. К свидетелям и их показаниям, сколь ни казались бы они невзрачными, следует относиться в высшей степени трепетно и чутко. Указанная пластичность таит в себе сюрпризов множество, и не всегда приятного характера. В случаях действительных независимости и беспристрастности свидетеля от него вполне можно добиваться правды-матки. Но такая правда редко выгодна всем сторонам, эти независимость и беспристрастность стараются сломать. А потому, как обычный свидетель не заражён ещё следственно-судебной тухлятиной, не пронизан этим духом непоправимо, вполне он может сохранить порядочность и здравый рассудок. Результат судебного спора зависит от того, на чью сторону будет перетянута большая и основная часть свидетельского одеяла. Отсюда ещё одно важное правило: изведи чужого свидетеля, а своего сыщи и сбереги.

Береги шерсть смолоду.

Но свидетельской информацией по делу обладают не только «свидетели» – самостоятельно так названные в УПК участники процесса. Процессуальное положение участника-свидетеля определяется не столько тем статусом, как официально это ему присвоили Закон и вла-

сти, а действительным его положением в процессе. От того, что голубя называли хрюшкой, он не замыкает и вряд ли поплывёт. Потерпевшие, обвиняемые, если они дают (могут дать) показания по обстоятельствам дела, то есть свидетельствуют об известном им, также являются свидетелями, именно так и должны расцениваться. И любые другие участники (следователь, эксперт, специалист, понятой...), уже после их участия в основном качестве, могут быть в дальнейшем призваны как свидетели для дачи показаний по известным им обстоятельствам, связанным с прежним их участием.

То сложная и важная задача – верно оценить действительное положение участника, правильно и своевременно использовать такие свойства для собственной выгоды. Или же не позволить надуть себя намеренной подменой. Истинные профессионалы эффективно используют приёмы таких подмен статусов участников, играя на различии прав, обязанностей и ответственности свидетеля по отношению к статусу других участников.

Например. Фактического подозреваемого в особо тяжком преступлении могут допросить, как, якобы, свидетеля. В этом случае нет прямой обязанности обеспечивать его защитником, но акцент будет проставлен на обязанность свидетеля давать показания и на его уголовную ответственность за отказ от дачи показаний (развязывание языка), отсутствует необходимость разъяснять существо дела и реальных претензий (подозрений, обвинений) и прочие надобности, что могут мешать выживанию информации. Другой пример. Близкий знакомый обвиняемого сведущ в вопросах судопроизводства, способен помочь обвиняемому своим соучастием «наряду с адвокатом». Такого постараются по любому пустяшному поводу вызвать и допросить как свидетеля. Что не позволит ему в дальнейшем выступать защитником.

Опера, дознаватели, следователи запросто могут быть допрошены в роли свидетеля в судебном разбирательстве по вопросам досудебного производства с их участием, особенно когда обвиняемый (подсудимый) заявляет о нарушении прав и порядка в ходе расследования.

- Вы угрожали обвиняемому? – Нет;
- Вы применяли к нему насилие? – Ну что вы, Ваша Честь, как можно...;
- Как проходил допрос? – В полном соответствии с законом, а как же.

Какие же они к чёрту независимые свидетели, когда иными ответами могут навлечь на себя обвинения? Такие свидетели явно не заинтересованы в собственном разоблачении и возможном развале обвинения. Тем более что их показания являются, скорее всего, единственным опровержением, а принимаются достаточными. Так всё просто. В равной мере свидетельские игрища могут состояться с любым другим участником, от понятого до судьи. Разгул для творчества огромен, а последствия почти необратимы. В любом случае, со стороны следствия, прокуратуры и суда свидетель подвергается большому психологическому прессингу. Существует достаточно приёмов «законного» давления. К этому нужно быть готовым, уметь этому противостоять, ломать сценарии всякого циркачества.

1.8. Эксперт, специалист

Эти участники призываются в рамках уголовного дела и по поручениям к специальным исследованиям, проводят специфические работы и дают заключения. Эксперт и специалист должны обладать специальными профессиональными познаниями, образованием, опытом, квалификацией, допуском (разрешением) в достаточно узких (отраслевых) областях научных и прикладных знаний: медицина, химия, техника, строительство, финансы и многих других, посредством которых могут быть решены различные аспекты по обстоятельствам дела и в первую очередь по событию преступления. Перед экспертами и специалистами ставятся вопросы для установления и объяснения природы, причин, механизма, взаимосвязи, последствий по конкретным процессам и явлениям, когда это хотя и связано с разрешением правовых вопросов, но находится за пределами знаний и прямой компетенции органов расследования и суда, или же требуется «независимое» мнение. Например, только эксперты могут верно определить причину смерти, тяжесть вреда здоровью, соответствие образцов по их источникам и характеристикам, рыночную стоимость товара или услуги, состав химического вещества; только специалист способен выяснить конструктивные особенности здания, исправность или надёжность паровоза, методику выращивания конопли и характер обработки металлов. В отличие от экспертов, специалисты могут обходиться без научных знаний. Специалистом может выступить и поварёнок для объяснения кулинарных технологий.

Формально (то биш, по Закону), эксперты и специалисты являются независимыми участниками. Но стерильной независимости не бывает, а в российском судопроизводстве – и подавно. Под эгидой – покровительством правоохранительных органов созданы и действуют специальные экспертные бюро. Однако, как известно, кто девушку ужинает, тот её и танцует. Эти организации хотя и относятся к иным ведомствам, например к департаментам здравоохранения причислены Центры судебно-медицинской экспертизы, но в подавляющем объёме их деятельность подчинена задачам судопроизводства, и, что неудивительно, задачам (интересам) обвинения. Бюджетное финансирование, в том числе зарплатные ведомости, исходит из заказываемого объёма работ. Заказы от следствия и суда, как и кадровые соглашения, самым определённым образом влияют на размер и содержание кормушки и доступ к ней. При такой обоядной заинтересованности, как минимум обнаруживаются взаимные симпатии. Лишь изредка «содержанка» в подушку всплкнёт в тихой ненависти и в чувстве стыда, да прикусив губёшку, уймётся. И по отработанной технологии отбора эксперты, прежде чем получить должность и регалию, проходят тщательную проверку, в том числе по вопросу лояльности к ментам и мусорам – к обвинительной среде.

Не то, чтобы такая зависимость проявлялась в полном подчинении, откровенной фальсификации и подлогах. Это случается не часто и в крайней нужде. Но в спорных случаях эксперт способен нейтрализовать факт, придать ему иной оттенок, что-либо не узреть, расценить иначе. Я скажу тебе – это не мало. В очевидных ситуациях эксперт может быть и полезен защите, например, когда в результате его исследований выявятся (нечаянно?) анти-обвинительные факты. Но, если следствие и суд заведомо убеждены в твоей причастности и виновности, очень-очень у них об этом зачешется, тогда от экспертов будут добиваться и скорее всего добьются иных результатов: однозначные выводы в пользу защиты переформулируют в версионные, предположения перекроют в разряд категоричных высказываний либо образуют путанную совокупность предположений против тебя, в пользу обвинительных предпочтений. Это не просто нейтрализация аргументов защиты, а не отрицание утверждений обвинения. Во как завернул?!

Как правило, все исследования назначаются с привлечением уже известных для силовиков экспертов и специалистов. Только вот же могут встречаться и достаточно редкие виды

исследований, когда неизбежно и срочно привлечение ещё не проверенных спецов, допустим геолога. Тогда исследование стараются провести как бы заочно, под предлогом проверки самой возможности исследования и получения результата. По «левому» образцу осуществляют предварительный анализ. И только затем всё это (повторно) официально осуществляют, фактически зная о грядущих выводах экспертизы. Тесное сотрудничество позволяет силовикам получать не только предварительную информацию, но и контролировать весь ход исследований на различных его этапах, корректировать, подправлять его в нужное русло, обломать на корню.

Обнаружить и обнародовать прямую или косвенную зависимость экспертов или специалистов сложно, и сложно обосновывать доказательно свои подозрения против них. Факты скрыты. А вот их кривляния, манипуляции, и тем более нарушения выявляются и прослеживаются вполне. Нечестность и дилетантство, подлог и фальсификация всегда выявляемы, так как оставляют свои гусеничные следы. Когда тщательно перепроверяешь деятельность таких исследователей, ларчик обязательно вскрывается. А их развенчание, срывание пыльных покрывал принесёт твёрдые дивиденды. Здесь срабатывает общефизиологическое правило: наступи гадёнышу на хвост и он захлебнётся в собственном вранье, избегая самоудушения. Спасая собственную шкуру, гадина проговорится.

Экспертов и специалистов в очень узких пределах исследований может и защита привлекать, например, через «независимые» исследования. Здесь есть шанс добиваться добросовестности, обращаясь к дальним региональным конторам или не запачканным уголовкой спецам. Но последующее давление на таких будет серьёзным. И к этому надо быть готовым.

1.9. Понятые

Как «народный контроль», их приглашают для участия в различных следственных действиях. Наименование происходит от «понять, понимать», и изначально понятые обеспечивали понятность наблюдаемых ими и в их присутствии осуществляемых процедур для разъяснения этого впоследствии. Значит, они должны восприниматься как свидетели процессуальных действий. По мнению законодателя, привлечение и участие понятых должно, в виде страховочного элемента обеспечивать соблюдение всех правил и процедур при проведении осмотров, обысков, опознаний и некоторых других значимых действий, исключать порочные методы, проверять ход и результаты со стороны других, заинтересованных участников.

Идея привлечения людей из толпы очень неудобна для правоохранителей при нынешнем их обличье. Неудобна хотя бы уже тем, что много времени отнимает на отыскание и уговоры. В самом деле, граждане не сознательные воспитались. Проходим и соседям в облом отрываться от личных забот на многие часы. А следственные действия требуют оперативности и срочности. Оттого, чаще всего, понятые заываются из числа опер-бабок, тех, что у подъездов на лавочках днями напролёт шкуры трут да кости соседям перемывают.

Как бы то ни было, институт понятых традиционен и востребован в гражданских сообществах, как признак демократизма. Российские власти не могут так запросто отвернуться от такой надобности. Власть наводит понт, что смирилась с этим и оценивает участие понятых двойственно: презрительно, из-за вмешательства посторонних в их деятельность; иронично, так как профессионалам не составляет труда вводить простолюдинов в заблуждение, через их участие создавать ореол законности действий.

В основной своей массе граждане понятые – это безвольный, пассивный и бестолковый контингент, у кого решительности не хватило сказать категоричное «нет» на приглашение. Они уже с первых минут присутствия проклинают себя за слабость и невезуху, страстно ждут окончания действия. А оттого они не внимательны, безразличны к происходящему. Но вдруг объявиться среди приглашённых активный проныра, следователи и опера сразу это просекут и примут меры к их нейтрализации. (Опера сопровождают следственные бригады и обеспечивают, в том числе, привлечение понятых.

Мы с Тамарой ходим парой, только кто из нас Тамара?). Отработаны приёмы по отвлечению, рассеиванию внимания, запутыванию. В крайнем случае, усмотрят в поведении нарушение порядка и помехи в ход мероприятия, заменят вредного понятого на более лояльного субъекта, действия проведут сызнова (если это возможно), постараются собрать подписи понятых по всем разделам протоколов в режиме спешки и без необходимых разъяснений. Да памятку в голове будут держать о таком гражданине, закашмарить попытаются.

В том числе и из-за сложностей привлечения граждан понятыми широко пользуются услугами «профессиональных» понятых. В порядке очередности на постоянной основе. Такие граждане заявляются по первому зову ввиду их прямой или косвенной зависимости. Ещё недавно опера таскали за собой на следственные действия административных 15-тисуточников как мнимых добровольцев, которые за это поощрялись. Ныне таковых с успехом подменяют наркоманы «на крючке», прочее хулиганье, попавшее на мелких делишках, а через это в процессуальное рабство и зависимость к ментам. Другой группой можно выделить милиционерских курсантов, студентов юрфак-практикантов, охранников от предприятий. Эти все стараются объяснить своё привлечение к участию как случайное: гуляют, якобы, как прохожие парами в нужное время и в подходящих местах средоточия следственных действий да мимо милиц-ейских объектов. К третьей группе смело отнесём работников коммунальных служб и местных органов власти. В таких конторах негласно поощряется и оговорено всемерное содействие органам правопорядка.

Несмотря на все видимые прорехи, понятые являются весьма ценными для целей защиты, опять же, если грамотно пользоваться их личными знаниями и качествами. Заглавным здесь будет их внимательность, память, ещё не истреблённая совесть, в закоулках души ещё не удушенные человечески чувства. Есть живые примеры, когда обдуманная работа с понятыми-свидетелями позволяла разоблачать подлог, фальсификацию, исключать недопустимые доказательства, громить позицию обвинения, добиваться выгодных решений и, как это не смешно звучит, справедливости.

К сожалению, пока книжка версталась, на рубеже 2012–2013 годов перечень сл. действий с обязательным участием понятых и порядок их привлечения к участию претерпели существенные изменения. Но об этом перетрём во второй части (см. Главу 8. 6. «Осмотр»)

Существуют и иные участники: гражданские истец и ответчик, переводчик, секретарь судебного заседания, помощник судьи, руководитель суда. Изредка их роль бывает существенна, но она менее значима при решении главных вопросов доказанности обстоятельств делу, обвинения по существу. Поэтому не стану в этом разделе уделять им равного внимания. В дальнейшем, их участия мы коснёмся при обсуждении вопросов судопроизводства, например, секретаря – по проблемам издания Протоколов судебного заседания.

Глава 2. Принципы судоскотства

Преобязательно себе уясни, провари эти самые принципы. Надо бы врезать их в башку калёнными скобами. Без знания о них, и не в общих чертах, а глубинно, без умения соизмерять с ними всё происходящее, творящееся вокруг тебя в ходе расследования и судебного рассмотрения, нет никакой возможности выбираться из этой трясины поганой. Так как всё иное нутро судоскотства различимо лишь взглядом через призму этих Основ. Это самый нудный раздел. Напряги внимание, курсант.

При простом даже упоминании о принципах, тем более, когда сторона защиты ставит вопрос об их соблюдении в том или ином конкретном случае, большинство следователей, прокуроров и судей низшего звена теряются и грустнеют. Они становятся похожи на опрокинутых панцирем вниз жучков и черепашек в беспомощности своей. А всё оттого, что эти ребяташки и сами-то толком не разумеют действительные смысл, содержание и значение принципиальных положений. А ты возопишь: куда же нам, быдлу, тягаться-деваться? – Туда... Не станем им уподобляться. Принципы – наше оружие и защита в тяжбах с произволом. Не так страшен чёрт, как его малюют. Он ещё страшнее.

Принципы – основные, заглавные правила, всему начало (и конечек). Принципы образуют фундамент для всех остальных норм – кирпичиков огромной и сложной конструкции, что зовётся законодательством (уголовным, в данном случае). Соответственно, неверный баланс кирпичиков с фундаментом препятствует построению стройной конструкции основанных на этом производств, а подрыв фундамента необратимо разрушает любые процессуальные сооружения. Изначально принципы прописаны в коренных нормативах: положениях Конституции РФ, межгосударственных актах и договорах (пакты, конвенции, соглашения). В процессуальном Законе принципы находят своё конкретное отображение, обрастают подробностями исходя из особенностей именно уголовного судопроизводства для разных стадий и процедур. Все остальные нормы-правила должны строго опираться на принципы, а применение этих правил – соизмеряться с принципиальными правами и гарантиями.

Далее обсудим принципы по порядку их практической важности, что, в общем-то, совпадает с установками УПК.

2.1. Законность

Вскрываем Кодекс: Все процессуальные решения должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Нарушение норм УПК РФ при производстве по делу влечёт признание недопустимыми полученных таким путём доказательств. Не может быть применён закон, противоречащий УПК, а любые несоответствия иных, подлежащих применению законов Кодексу, разрешаются в пользу норм УПК (статья 7).

А). *Законность, обоснованность и мотивированность* решений означает, что приговор, любые определения, постановления должны по своей форме, содержанию и порядку их принятия полностью соответствовать требованиям УПК и других применяемых законов. В УПК имеются общие (для всех случаев) и специальные (для конкретных случаев) правила вынесения процессуальных решений, об их же обязательных структуре и содержании. Структурно решение должно состоять из трёх основных частей: 1) вводной части, где указываются общие сведения об органе рассмотрения вопроса и принятия по нему решения (должностное лицо); время и место вынесения решения; заявитель и участники рассмотрения; поводы и условия; 2) описательно-мотивировочная часть, содержащая сущность рассматриваемого вопроса, доводы, мнения, аргументы участников, выводы принимающего решения органа (лица), ссылки на применяемые или учитываемые нормы законов, мотивы принимаемого решения; 3) резолютивная часть, где собственно и формулируется принимаемое решение о признании каких-либо фактов или осуществлении действий, отклонении или удовлетворении обращений (требований) участников, принятии каких-либо мер процессуального реагирования.

Обоснованным решение может считаться, когда в нём представлены все имеющие значение правовые и фактические данные, позволяющие вынести решение. Правовые основания – те нормы права (закона), которые применены, учтены при разрешении текущего вопроса и которыми руководствовались суд, прокурор или следователь. На соответствующие статьи закона, где содержатся эти нормы, должны иметься ссылки, а содержащиеся в нормах правила – обсуждаться. Фактические основания – те события, факты и обстоятельства дела, которыми вызвана необходимость решения, на которые ссылаются участники или выявлены по праву самим решающим, когда они установлены или отвергнуты, и на чём строятся выводы в пользу принимаемого решения. Мотивы – это те побудительные причины, объяснения, убеждения людей, что-либо решающих, приведшие их к определённым выводам и решению. Мотивировкой отвечают на вопрос, почему именно принимающий решение пришёл к своим заключениям по существу дела.

Шибко мудрёное изложение? Согласен. Давай-ка на примере вздрогнем. Смотри картинку. Перед тобой постановление прокурора о возвращении уг. дела на доп. расследование. Вчитайся.

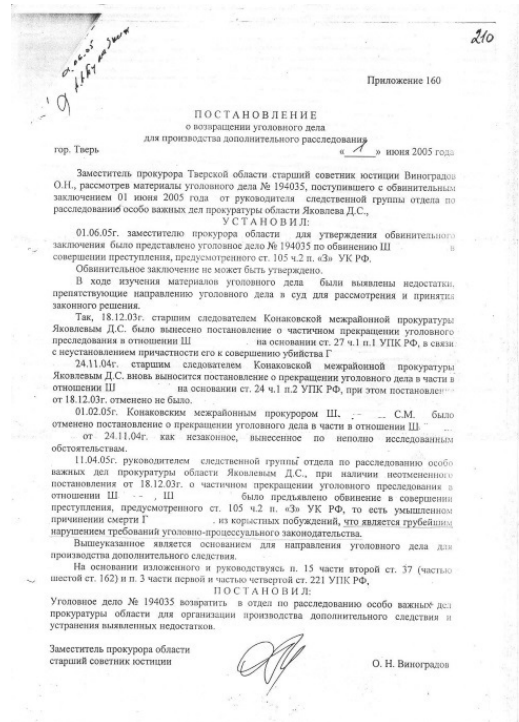
Здесь вводная часть – всего один абзац, – тот, что между наименованием и до слова «Установил:». Дальнейший текстовый массив до слова «Постановил» является описательно – мотивировочной частью. Прокурор сделал попытку через последовательное перечисление фактов подвести к решению. Он приводит не только события, но основания и мотивы. Как на правовые основания прокурор ссылается на положения статей 37, 162, 221 УПК, которые позволили ему или даже обязали принять данное решение о возвращении дела следователю. А перечисленные факты – есть фактические основания, к чему прокурор и подводит фразой «Вышеуказанное является основанием...». Ну а мотивом следует считать указание «... при наличии неотменённого постановления от 18. 12.2003 г... Ш. было предъявлено обвинение в совершении преступления... что является грубейшим нарушением уголовно-процессуального законодательства...». Эта формулировка не просто выглядит как-то неполно, вроде как

не хватает мотива: необходимость устранить выявленное нарушение. Ну а в концовке – собственно резолютивная часть, где сформулирована суть решения: Вернуть для устранения недостатков. Нифига себе недостатки!

Внешне для не посвящённых сие постановление увидится вполне нарядным. Есть в нём стройность, и логичность, и слога красота убедительная, все части обязательные на лицо. Но прокурор – енот ещё тот. В обсуждаемой им правовой ситуации случилось не только нарушение прав обвиняемого. По выявленным обстоятельствам выясняются прямые основания для полного прекращения уголовного преследования данного обвиняемого в силу предписаний статьи 27.1.5 УПК. О чём прокурор и должен был принять своё решение. Последствия для мусоров от такого решения понятны. Поэтому прокурор и обошёл такую каверзу, прикрывшись «левыми» мотивами и основаниями. Но наличие фиктивных мотивов и оснований равнозначно отсутствию таковых вообще (тебе на заметку).

Невыполнение требований законности, обоснованности и мотивированности должно повлечь признание самого решения, соответственно, незаконным, необоснованным и (или) немотивированным. Это также влечёт отмену (пересмотр) решения, а ранее обсуждаемый вопрос направляется на новое рассмотрение или даже снимается с обсуждения. Гарантии же обоснованности и мотивированности направлены на то, чтобы все заинтересованные в рассмотрении проблемы участники, вышестоящие инстанции, да впрочем, и любые сторонние лица в полной мере могли понять содержание решения, его поводы и причины, точно определить источники представленных автором выводов, а также возможные и грядущие последствия от исполнения решения. Это же позволяет оценить правоту решения, а в необходимых случаях оспорить его, принять меры к его исправлению в целях восстановления прав и должного порядка. При том, что оценка решения может производиться не только властными людьми, но и быдлом (то есть тобой и мной), содержание этого акта должно быть доступно для понимания обычному человеку (быдлу). Но на практике такие условия не выполняются вообще или не в полной мере.

Невыполнение требований законности, обоснованности и мотивированности должно повлечь признание самого решения, соответственно, незаконным, необоснованным и (или) немотивированным. Это также влечёт отмену (пересмотр) решения, а ранее обсуждаемый вопрос направляется на новое рассмотрение или даже снимается с обсуждения. Гарантии же обоснованности и мотивированности направлены на то, чтобы все заинтересованные в рассмотрении проблемы участники, вышестоящие инстанции, да впрочем, и любые сторонние лица в полной мере могли понять содержание решения, его поводы и причины, точно определить источники представленных автором выводов, а также возможные и грядущие последствия от исполнения решения. Это же позволяет оценить правоту решения, а в необходимых случаях оспорить его, принять меры к его исправлению в целях восстановления прав и должного порядка. При том, что оценка решения может производиться не только властными людьми, но и быдлом (то есть тобой и мной), содержание этого акта должно быть доступно для понимания обычному человеку (быдлу). Но на практике такие условия не выполняются вообще или не в полной мере.

Опять же, будучи юристами, все эти следователи с прокурорами и судьями в обнимку – великие формалисты и бюрократы по природе. Свои решения они стремятся издавать в наиболее сжатом виде. Это у них называется краткостью (та, что близкая родня талантам) и лаконичность (та, что не родня никому). И такая чрезвычайная скупость имеет двойную цель: скрыть, размыть истинные мотивы и основания при возможности различного истолкования, домысливания, и сократить до ничтожного возможность оспорить, опровергнуть решение, обоснованно излагать несогласие с ним. Но «верхами» принимается достаточным такие сжатость и даже поощряется такой подход. Ведь окончательную оценку будут делать вышестоящие иерархи всё из того же клана, кто прекрасно понимает суть творящегося, умеющие читать между строк и способные при необходимости получить устные разъяснения, именно те, кто создал и поддерживает общую практику формулирования решений, кто определяет критерии обоснованности и мотивированности собственным усмотрением. Однако верным будет исходить из того, что недостаточные обоснование и мотивировка, их двусмысленность, неоднозначность, неясность должны расцениваться как отсутствие мотивов и оснований вообще.

Кроме того, мы сталкиваемся порой и с откровенно безмотивными и необоснованными решениями. Подобные, например, выносятся судами при разрешении процедурных вопросов – так называемые «промежуточные» решения. Вот, подсудимый обращается к суду с ходатайством: прошу вызвать и допросить свидетеля Птичкина, так как.... Судья, совещаюсь на месте, постановил: В ходатайстве о вызове и допросе Птичкина отказать. Всё. Здесь непонятно, почему невозможно или нет необходимости и вызывать и допрашивать заявленного свидетеля, какие имеются препятствия к этому, какими положениями закона судья руководствовался, какие факты и обстоятельства приняты во внимание. Такой вакуум явно не позволяет обсуждать и оспорить по существу постановление. Можно только догадки строить о мотивах и основаниях. Причиной отказа могла, например, послужить необоснованность самого ходатайства: не указаны обстоятельства, о которых может сообщить свидетель или же эти обстоятельства не касаются дела; не выполнены ли формальные требования: не представлены достаточные сведения о свидетеле, или прочие огрехи. Но и такие любые причины должны в решении приводиться. Ясно одно, решение необоснованно хотя бы уже потому, что не выполнены условия его обоснованности и мотивированности.

Принципиальность требований о законности, обоснованности и мотивированности обусловлена ещё и наличием связанных с этим прав и встречных обязанностей участников. В частности, с правом на обжалование решений. Отсутствие информационной сердцевины не позволяет постичь смысл решения, обоснованно возражать выводам властных решителей. Поэтому следует пристально внимать всем решениям, выносимым по делу, каких бы вопросов они не касались, оспаривать их своевременно. Законность даже одного промежуточного решения влияет на законность производства по делу в целом.

Приводя содержание статьи 7 УПК, я намеренно использовал общее понятие «Решение» в отличие от буквального текста, где перечислены только постановления и определения. В редакции Закона эта норма читается и понимается ограничительно, так как действие этой нормы умышленно распространяют только на такие виды решений. Следуя такому пониманию, принцип напрямую не требует качеств законности, обоснованности и мотивированности от Приговоров. Хотя в специальной норме статьи 297 УПК и затрагиваются принципиальные гарантии и в отношении Приговоров, но в этой норме нет гарантии по мотивированности. А что, такое решение как Вердикт присяжных не должен быть законным? Но в процессуальном обороте существуют и виды решений вообще не имеющие специальных наименований. Когда, например, в порядке надзора председатель отказывает в пересмотре Постановления надзорного судьи об отказе в возбуждении надзорного производства и передаче жалобы в президиум суда, такое решение руководителя не имеет названия, в УПК свойственным именованием не определяется. В этих случаях председатели (их заместители) легко пренебрегают требованиями статьи 7 УПК и формулируют свои акты в произвольной форме, не загружаясь приведением каких-либо мотивов и оснований. Ну что поделать, судобог капризны в своей срамоте и скромны в своих капризах. Но всё же и такие решения должны соответствовать принципиальным гарантиям в силу верховенства закона и равенства всех перед ним, и требования такие не снимаются.

Б). *Принцип законности* распространяется не только на процессуальные решения. Отчего же законодатель не укрепил в буквальном выражении эту же гарантию на процессуальные действия? Но ведь и действия должны быть безусловно законными и обоснованными. Такая нелепая недоговорённость частично восполняется совокупностью иных норм УПК, из содержания которых (только) следует искомое требование.

В). *Нарушение норм УПК* проявляется, когда установленные этими нормами правила не выполняются вовсе или не в полной мере, неправильно. Одним из частных последствий такого нарушения, кроме признания незаконности и исправительных мер, является признание полученных доказательств недопустимыми – то есть доказательства не допускаются (исключаются) по процедурам доказывания, не могут использоваться в целях обвинения или защиты. В принципиальной норме законность конкретизируется по отдельной и наиболее важной составляющей судопроизводства – в доказывании посредством доказательств. Что тесно переплетается с отдельной гарантией о недопустимости и исключении доказательств, полученных с нарушением УПК РФ (статья 75), но неравнозначно последней по акценту и смысловому значению. Хотя обе гарантии выведены из фундаментального принципа по ст. 49 Конституции РФ.

Более подробно обсудим содержание и особенности этого норматива в отдельном разделе о недопустимых доказательствах. Здесь только отмечу некоторую однобокость изложения принципа и его двусмысленность на практике. А односторонность вижу в том, что принцип неоправданно выделяет только значимость соблюдения норм УПК при получении доказательств. Отчего-то в равной мере не оговорено требование по соблюдению норм при решении всех других процедурных вопросов, когда для их претворения не требуется выносить специальных решений (например, осмотр) или же решения выносятся (возбуждение дела, заключение под стражу). Так же не оговорены и последствия нарушений. Хотя правила по этим процедурам имеются в других положениях УПК, но при том, что и при осуществлении таких

действий используются сведения доказательственного значения, сам факт неуделения равного внимания внутри единого принципа умаляет значимость тех нарушений, при которых не обязательно чтобы и добывались доказательства как таковые.

Само понятие «нарушение норм» на практике толкуется неоднозначно. В действительности мусора не всякое нарушение и не всяких норм принимают во внимание, когда решают вопросы допустимости хотя бы и доказательств. Они учитывают только существенные нарушения, а существенность определяют по собственному усмотрению, при нужде находя отвираки и отбелки. Это есть произвол, своевольное искажение гарантии. Не иначе.

Г). Важным условием законности являются *ясность* и *определённость* применяемых правил, устанавливаемых различными законодательными актами. Эти требования обеспечиваются иерархией процессуальных законов, в зависимости от их вида и назначения. Верхушку пирамиды по старшенству оглавляют нормы Конституции РФ; далее по подчинённости следуют положения федеральных конституционных законов (ФКЗ) и федеральных законов (ФЗ), к последним относится и наш любимый УПК РФ; ниже стоят все прочие федеральные законы, просто законы, а также подзаконные нормативные акты (постановления, указы, положения и прочие).

Кроме УПК в сфере уголовного судопроизводства действуют и применяются специальные законы, которые с этой точки зрения являются также процессуальными. К таковым, например, относятся законы Об оперативно-розыскной деятельности, О судебно-экспертной деятельности, О присяжных заседателях, О полиции. В случае применения таких законов, их положения должны соответствовать положениям УПК, а если обнаруживаются противоречия, предпочтение отдаётся УПК. Кодекс запрещает применять такие, ему противоречащие нормативы. С другой стороны, специальные нормы действуют напрямую, когда только их правила определяют конкретный порядок по выполнению специальных процедур. Так же, если в специальном законе расширены права какого-либо участника, особенно от стороны защиты, или правомочия оговорены в более выгодном свете, тогда предпочитают специальные законы. Так, Закон об адвокатской деятельности несколько улучшает права защитника в процессе по сбору (получению) доказательств по сравнению с установками УПК. Поэтому адвокатам выгоднее сослаться на свои права по Адвокатскому Закону.

Абсолютно такое же правило предпочтений действует и в отношениях между УПК РФ, Конституцией РФ и международно-правовыми актами (Пакты, Конвенции, Договоры). Во всех случаях противоречий и несоответствий преимущество имеет Конституция – закон прямого и непосредственного действия. Любые международно-правовые акты, как составная часть нормативного поля РФ, более сильны, чем УПК, но юридически слабее Конституции, и в случае их применения не должны противоречить Конституции.

В судебно-следственной практике известны случаи несоблюдения иерархичности норм законов, их применение в режиме противоречий и несогласованности. Отчего-то адвокаты, тем более сторонники обвинения и судьи мало внимания уделяют анализу, сверке применяемых норм на предмет их согласованности. А зря. По многим делам можно обнаружить несоблюдение условий верховенства, неверные предпочтения. Что приводит к серьёзным нарушениям. Ну, к примеру. Вломились на хату ОБНОНовские опера под благовидным предлогом (шумят жилыцы по ночам, пописать хочется, за солью) к предполагаемому наркодилеру лапоухому. Туда-сюда, то да сё. Ба! А на столике по центру гостиной пакетик с подозрительным порошочком тулится сиротливо (который опера сами украдкой и впарили тут же). Барыгу вяжут на месте, отобрав прикладом дыхалку, тянут соседей-понятых, осматривают, изымают, опечатывают, шмон оформляют протоколом обыска. Далее материальчик оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) передают следствию, затем и в суд, где рассматривают обвинение о хранении и покушении на сбыт крупноразмерных наркосредств. Не вдаваясь в подробности: было – не было, причастен – не причастен, в заседании заявляется о незаконности обыска в квартире

и недопустимости полученных в результате этого обыска доказательств. То, что был произведён именно Обыск в жилом помещении, напрямую следует из наименования протокола, как и по фактическим действиям ментов. При этом не были выполнены значимые специальные правила по обысковым процедурам, как установленные в УПК, так и в законе об ОРД: отсутствовало решение с санкцией суда; не участвовал следователь (дознатель), когда обыск – это только следственное действие; преодолена конституционная неприкосновенность жилища в отсутствие законных обоснований к этому и т. д. Обвинители пытаются оправдаться, мол, формально действовали менты в рамках Закона об ОРД, случайно выявив преступный факт, будучи впущенными в жильё добровольцем подозреваемого, они принимали «безотлагательные» меры по пресечению деяния и закреплению доказательств. Ой-ёй-ёй, а нормы УПК таких исключений не позволяют, и Закон об ОРД тут не приемлем в предлагаемом ментами понимании и применении, и действительное содержание проведённого мероприятия указывает на её следственный формат, который не может быть делегирован операм ни под каким соусом.

Д). В России нет прецедентной практики (применения судебных случаев по аналогии) по рассмотрению схожих дел и процессуальных вопросов. Поэтому «руководящие» указания (решения) Пленумов Верховного и других судов, как и прочих судебных актов, напрямую не применяются при рассмотрении уголовных дел, обязательной силы для судов, прокуроров и следователей не имеют. Судебные такие решения не являются Законом, не подпадают под критерий «законность», не обязательны к исполнению, но как предлагал сам Верховный Суд, *могут* учитываться правоприменителем. Хотя приводимые в пленарных решениях заключения и считаются официальным толкованием, но их подвешенное состояние не даёт возможности надёжно апеллировать с помощью такого средства. Суд, в свою очередь, по своему усмотрению, то есть, когда сам захочет, волен следовать таким рекомендациям. Уповать на эти решения-разъяснения не стоит, но и не следует слепо отказываться от них, как дополнительной пульки в арсенале защиты. Другое дело – решения Конституционного и Европейского судов. Заявляемая ими правовая позиция, толкование норм и оценка обстоятельств приравнены по юридической значимости к законам и обязательны к применению. На такие решения не только можно, но и нужно ссылаться при всякой необходимости. Тем более, что большинство правоохранителей не внимательны к такой практике, могут не помнить или вовсе не знать значимых постановлений.

Есть овцы, кто жадно вчитываются в комментарии к УК и УПК различных юристов, а затем пытаются аргументировать свои доводы ссылками на подобные изыски. Пустое. Комментарии, как частные мнения и суждения всевозможных умников, не имеют значения для обоснования позиции по делу. Этим материалом можно пользоваться только для углубления собственного понимания законодательных норм, чтобы соизмерять своё положение, возможности, перспективы и последствия происходящего. К любым комментариям следует относиться с крайней осторожностью, так как наряду с качественными трудами нас грузят откровенным фуфлом. Лучше пользоваться сразу несколькими мнениями разных авторов по одному и тому же вопросу, и в сравнительном анализе, не отвергая и собственных соображений, определять наиболее верный смысл. Не исключение и вот эти мои разглагольствования. Можешь относиться к ним критически и даже скептически. Правильной будет только лично твоя чуйка.

2.2. Осуществление правосудия только судом (см. статьи 8 УПК, 47 и 118 Конституции)

Данный принцип вмещает две гарантии: 1) Никто не может быть признан виновным и подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда и в порядке, установленном УПК; 2) Подсудимый не может быть лишён права на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьёй, к подсудности (подсудности) которых оно отнесено опять же УПК.

Из дозволения осуществлять правосудие только судом, следует запрет на любой иной порядок осуждения и наложения кары. В России, как и в большинстве других, так называемых «цивилизованных» государств, засудить человека и назначить ему наказание вправе только судебный орган – специальная властная госсубстанция. Суд осуществляет свои функции через судей, как представителей и носителей этой власти, наделённых специальными полномочиями на такую деятельность. Все иные способы осуждения и наказаний расцениваются как самосуд в порядке «левосудия», расправы. И речь идет не только о случаях, когда самосуд творят, например, муж против жены путём претензий и рукоприкладства за неподчинение, или приверженцы шариатских укладов, хотя эти, вполне частые судилища почти открыто существуют и замалчиваются. Я считаю самосудом и деяния реальных обладателей мантий, когда они позволяют себе отступать от основных устоев правосудия, и под официальной личиной, действуя из посторонних для правосудия интересов, выносят обвинительные приговоры в отношении невиновных или при полном отсутствии доказательств или... Конечно, это самосуд и не что иное! Наличие внешних атрибутов судебной власти не гарантирует Правосудность наяву. В ответ на судебно-следственный произвол и тотальную несправедливость естественным образом появляются автономно настроенные личности, не доверяющие более Закону и его блюстителям. Влекомые обидой и нормальным чувством мести такие для себя издают собственные законы, провозглашают себя судьёй и палачом, своим же приговором творят ответное. Если бы не ветхожидозаветные жестокость и кровавость (око за око, кака за каку), то смысловое оправдание этому есть. Но и это, блин, самосуд.

Любопытные выводы следуют из составных гарантийных купонов. Первая составляющая тесно вяжется с презумпцией невиновности, но акцент в ней проставлен на а) наличие Приговора о виновности и наказании, и б) соблюдение установленного в УПК порядка признания виновности и назначения наказания. Это обязывает строго следовать всем предписанным процессуальным процедурам и правилам, как они регламентированы Кодексом, а также правил вынесения Приговора. И это касается не только процедуры доказывания виновности. Сюда же логично должны включаться обязательства доказывания и события преступления, и причастности обвиняемого, и всех прочих вопросов и обстоятельств, которые должен устанавливать суд (статья 299 УПК). Без чего не мыслимы выводы о виновности. Однако на практике даже промусорённые судьи «кое-кого» всё же осуждают и отправляют на казнь без соблюдения установленного порядка, когда законные предписания выполняются лишь формально, для видимости, – только с внешними признаками той самой законности, когда царствует осуждение только по усмотрению своевольщиков не в силу закона, а по целесообразности.

Вторая составляющая гарантии направлена на обеспечение подсудности дел территориально и вдоль властной вертикали. Сами правила подробно изложены в Главе 5 УПК. А в полном значении гарантия включает ещё и персональную подсудность – требование законного состава суда по рассмотрению конкретных дел, как это регламентировано в статье 6 Евроконвенции. Чаще всего нарушаются именно последние условия, когда, например, состав суда избирается в обход правил, без учёта мнения обвиняемого, либо дело вдруг рассматривает исполняющий обязанности судьи (ослик «И.О.») – то есть не вступивший в должность субъект, либо

один из членов состава заменён без достаточных оснований, либо кандидатов в присяжные отбирают «под обвинение».

2. 3. Уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК)

Ты, например, как потерпевший по делу (это всего лишь пример), смог бы с уважением относиться к личности другого гражданина, обвиняемого в убийстве близкого или родного тебе человека, в изнасиловании дочери или сестры? Способен ли признать честь и достоинство такой личности, пусть даже это существо ещё и не признано виновным официально, но убедительных улик против него «выше крыши»? Ну, разве только формально, в публичных общениях и не искренне. В подобных случаях отношение к этому субъекту сколь-либо уважительным быть не может по природе обычных человеческих чувств и переживаний. Никакие законодательные установления не способны подавить, перепрофилировать принудительно эти чувственные позы. А указанный принцип, вернее всего, требует от участников и от любых других лиц только внешнего выраженного соблюдения правил приличия и сдержанности. Скажем так, не должно быть проявлений неуважения этих чести и достоинства, что, конечно, именно уважением не является. Кроме прочего, эти условия позволяют решать правовые вопросы и выяснять обстоятельства дела здравым рассудком (если таковой есть), а не опираясь на эмоции. Потому и кажется нелепостью, как в вышеприведённом мрачном примере, когда в потерпевшем какашки кипят от злости, а он обращается к подсудимому «уважаемый подсудимый...».

В равной мере и ты, как подозреваемый (обвиняемый) должен соблюдать уважительность ко всем другим участникам, в какой роли бы они не были задействованы, и сколь враждебно не было их участие в твоём отношении. Да-да, ты должен уважать честь и достоинство оперов, надругающихся над тобой, и следака, с чьей подачи тебя травят и истязают, и обвинителя, просящего суд назначить тебе «вышак», и судьи, бессовестно извращающего доказательства.

Вторая часть этого же принципа запрещает применять к участникам судопроизводства насилие, пытки, иного рода унижающее достоинство или жестокое обращение. Представляется, что не ко всем адресована такая защита, так как призрачна возможность применения насилия, пыток и жестокости в отношении следаков, прокуроров или судей. Что пытать можно у судьи, например? Очевидно, что такая норма охраняет тех, кто реально может быть подвергнут перечисленным формам обращения. Это в первую очередь касается напрямую подозреваемых и обвиняемых, во вторую – упрямых свидетелей, и очень редко – не менее упрямых потерпевших. И если пытки напрямую направлены на пытать – то есть на получение признаний и полезной информации, укрепление внутренних убеждений, то мотивы и поводы всех иных актов неуважения могут иметь и другой характер: месть, неприязнь, подавление воли, психическое принуждение и прочие благородные позы.

Если этот принцип закреплён в законе, значит существует нужда принципиальная в таких защите и запрете. На фига законом запрещать то, чего нет или большая редкость? Нет, факты подобных нарушений сплошь и рядом. При том, что факты эти тупо не признаются властями и никого не привлекают к ответственности, отсутствуют в практике решения о признании нарушения данной нормы-гарантии. Во всяком случае мне не известны приговоры, по которым кто-либо осуждён за пытки, насилие к участнику или же за жестокое обращение. Вследствие чего может сложиться впечатление об отсутствии таких нарушений. Защитный принцип оказался на деле абсолютно пустым не только из-за укрывательств и замалчиваний. Продолжению практики бесчинств и безнаказанности способствует и то, что в уголовном законе хотя и существует дохлая норма с санкциями по схожим составам деяний (статья 302 УК РФ), но не существует чётких критериев определения и, соответственно, применения таких критериев как «пытка», «жестокость», «издевательство», и вообще не предусмотрено ответственности (наказания) за «унижение достоинства». Без чего не возможно доказывать такие составы правонарушений,

привлекать к ответственности за их совершение. Законодатель тоже знает, где проблеять, а где и пролаять.

В современной России пытки, насилие, жестокость, унижения не изжиты из следственно-розыскной деятельности. Сейчас они, конечно, не столь откровенны, как это было в 90-е годы, но стали более изощрёнными. Этим профессионально увлечены опера, их добровольные помощники из числа аморальных должников и криминальных союзников. Прокуроры и следки сами брезгают и напрямую приёмчики такие не пользуют, открытого согласия не дают, но вовсе без пыток обходиться не могут и лукаво допускают такие методы воздействий. Признание – всё ещё мать доказательств (мать её так!).

После психо-физической обработки пленённого подозреваемого опера получают от него «явку с повинной» о совершённом злодеянии. С этой Явочкой ещё тёпленького и нахлобученного приводят молодца к следаку, где та же информация закрепляется уже в виде признательных показаний. Всё, угрелась овца. Против него уже образована совокупность доказательств (показания + явка), от которой сложно будет откреститься в дальнейшем. Ни следак, ни надзорный прокурор не будут ставить под сомнение доброкачественность полученных доказательств, вникать в подробности их получения. Тщетно затем и у суда искать пониманий.

Факты пыток, насилия, жестокости и унижений трудно доказуемы. Эти процедуры производят без свидетелей и не оставляют явных следов – внешних признаков, так, что бы полностью были сокрыты всякие следы. Существует и негласная отечественная школа пыток и прочих методов наезда. Новая поросль палачей и хамов постепенно отходит от путей откровенных истязаний, но более широко внедряются приёмы надругательств морально-нравственного и психического свойства, насилие через третьих лиц или «нечаянную» обстановку. Ведь не секрет, что для большинства из нас нравственные боль и страдания, особенно длительного порядка, воспринимаются острее физических. Но если всё же удаётся собрать доказательства по таким нарушениям, то можно добиваться значительных уступок от мусоров. Торг уместен.

2. 4. Неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ)

1). Никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключён под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных УПК.

2). Всякий, незаконно лишённый или ограниченный свободы, подлежит незамедлительному освобождению.

3). Условия принудительной несвободы должны исключать угрозу жизни и здоровью.

Любые, перечисленные в Законе виды ограничений физической свободы, я буду далее именовать в широком смысле – лишение свободы или арест (как принято на Диком Западе). Различие в видах обусловлено только различием целей лишений, режимов содержания, объёмами прав и обязанностей (статусом) лишенцев и нормативным размежеванием. Хотя «лишение свободы» – это такой вид наказания, а «заключение под стражу» – это мера пресечения (то есть пресечения возможностей), но по существу же обе такие меры в той или иной степени и объёме лишают каждого из нас конкретных свобод: передвигаться, общаться, питаться, совокупляться, испражняться, на диванчике валяться.

Да, любой вид лишения свободы оговорён Законом. Только вот границы различий прозрачны весьма и размыты в реальном воплощении, что на практике позволяет произвольно чать заинтересованным субъектам. При любых раскладках всё происходящее и собственное состояние нужно оценивать исходя из фактического положения, а не в формате толкований силовиков.

Ну, зачем мусорам, например, задерживать гражданина в официальном порядке, а вместе с тем выполнять правила 48-и часов, марать бланки протоколов, проводить регистрации процедур, разъяснять права, объясняться по инстанциям и заниматься прочей хернёй? Можно обойти все эти условности и правила: осуществить административное задержание (например, по мелкому хулиганству – поссал в общественном месте, якобы); устроить шмон, то есть досмотр; изъять отпечатки пальцев, образцы крови и прочее; провести негласное опознание; применить пыточку и т. д. Или же можно вызвать и допросить ту же овцу в качестве свидетеля. Вариантов множество. При этом в дальнейшем мусора укажут, что, мол, никто никого и ни в чём не подозревал и в таком качестве не задерживали. Гражданин в кабинетах оказался по другим причинам, а обстоятельства его причастности всплыли неожиданно.

В подобных ситуациях главное придерживаться собственного мнения о происходящем, уяснить суть своего положения, категорично сопротивляться беззаконию, отстаивать свободу и действительные права всеми доступными средствами. О том, что тебя подозревают, и, значит, ты являешься подозреваемым, можно судить по направленности задаваемых вопросов, из содержания и смысла процессуальных документов, по характеру оказываемого давления и предлагаемых процедур. Обнаружив причины или их заподозрив, безотлагательно применяй доступные контрмеры – письменно жалуйся о подмене статуса и незаконности действий должностных лиц, связанных с ограничением действительных прав подозреваемого.

Так же и в случае мнимого административного задержания (привода, ареста). Молча сносить и ждать положительного исхода пагубно. Кроме несправедливости самого задержания, очевидна тебе должна быть и угроза уголовного дальнейшего давления. Помогут в некоторой степени те же жалобочки и указания о действительных причинах происходящего с тобой. Менты сторонятся скандалистов и склочников, а умных и настойчивых – вдвойне. Есть вероятность, что твои брыкания вынудят их, пусть временно, но ослабить хватку – освободить. Хотя бы для того, чтобы тактику сменить, выждать время для умиротворения твоих кляуз и активных протестных акций (голодовка, вскрытие вен и подобные выходки).

Законные основания для всех видов лишения свободы – это те причины и поводы, что напрямую предусмотрены Законом, то есть нормами УПК. Все меры процессуальной изоляции

овцеподобного организма применяются в рамках статей 91-118 УПК, а собственно лишение свободы на конкретный срок опирается на приговор суда о виновно совершённом преступлении, а также нормы Кодекса о порядке принятия такого решения. Последний вид изоляции – это уже наказание, а не мера пресечения. Хотя в действительности такие различия крайне условны. Любой заключённый под стражу до суда также влачит наказание от такого обращения. Кроме физического состояния человека, загоняемого в клеть, косвенное подтверждение существования несвободы мы находим и в самом законе. Так, в случае обвинительного приговора, срок заключения предварительного «под стражу» засчитывается в общий срок лишения свободы равно пропорционально «день за день», то есть мера пресечения приравнена к наказанию (смотри ст. 308.1.9. УПК, 72.3 УК). Однако по условиям содержания лишение свободы в колониях много гуманнее, чем в изоляторах. Это только сейчас положение слегка выправляется. Но ещё лет пять назад человек содержали «под стражей» в абсолютно скотских условиях.

Для принудительного помещения в медицинский или психиатрический стационар (там, где тоже небо в клеточку) также требуется принятие судебного решения об этом и выполнение обязательных процедур по нормам Закона (статьи 29, 165, 203, 433–446 УПК).

Из всего мы видим, что любое свободолишение, кроме 48-ми часового задержания и принудительного привода на допрос, требует упорядоченного судебного разрешения и следования процессуальным предписаниям. Необходимость получения судебных решений, как и сама возня с этим связанная, прибавили хлопот следствию и прокуратуре. И с годами, под давлением гуманитарных идей, судам всё труднее выискивать оправдания для таких лишений. Я не оговорился. С одной стороны, – это требование об изыскании в каждом случае убедительных аргументов о необходимости изоляции направлено в адрес следов. С другой же – суд готов изначально и во многом пойти на встречу «просьбам» и склонен доверять мнению только ментов, а то и найти новые доводы в пользу несвободы. Хотя объём доводов и оснований увеличивается, решение вопросов о лишениях всё же остаётся формальностью. Поэтому в реальном применении Закон не препятствует повсеместным заточениям по дутым фактическим основаниям, кроме лишений свободы в форме приговорных наказаний, конечно. Последнее – хотя и тоже формальность на деле, но более громоздкая и обременительная по воплощению.

Таким образом, Принцип неприкосновенности очень относителен по природе своей: каждый неприкосновенен, пока сам не позволит прикоснуться к себе либо это не позволит Власть-Закон. Всякий из нас недотрога, пока не облапали. А лазейки для этого всегда найдутся. Ну вот, хотя бы по условиям ограничений задержаний 48-мью часами до судебного решения. Разумно это понимать так: нельзя удерживать человека в неволе более этого времени ни под каким предлогом; по истечении этих часов должно приниматься судом решение об аресте либо обязаны выпустить узника. И что для наших мусоров в этом за проблема? Задерживают интересующую личность и в течение допустимых 48-ми часов с ним проводят необходимые мероприятия. На 48-ом часу отпускают восвояси (припев: восвояси, восвояси, восвоясички мои). Как бы отпускают. Ага. Недалече. За порогом несвободы, на границе зримой воли, эту же овцу вновь задерживают, но под другим предлогом. И вновь без всякого суда удерживают желанные 48 часов. И так может продолжаться бесконечно.

Другое ограничительное условие: о незамедлительности высвобождения всякого, кто находится по арестом свыше срока, предусмотренного Кодексом, не менее пластично в ловких руках гончаров. Здесь ключевым является понятие «срок». Срок для каждой разновидности несвободы устанавливается различными нормами, как предельный – максимально допустимый. Но, благодаря невнятности Закона в данной части, лукавые мусора лишили Срок признака «предельность», а нормативные гарантии жёсткости довели до состояния эластичности (ценнейший материал для презервативов).

Механизмы защиты от обоснованной неволи переведены в разряд призраков.

Пример – всё то же ограничительное правило о 48 часах. Сказка № 1. Это правило подробно разжёвывается в таких нормах: По истечении 48 часов... подозреваемый подлежит освобождению, если... суд не продлит срок задержания (ст. 94.2 УПК). Продление срока задержания допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108.6 УПК). Очередной нормативный блуд, когда одной нормой родят внешне мужественного бойца, а другими его кастрируют. Мы видим, как гарантированный срок в 48 часов запросто раздувается до 5 суток. Для этого следаку по окончании первого срока достаточно передать в суд любое абсурдное прошение о заключении под стражу и тут же голословно ходатайствовать о дополнительном времени в целях предоставления суду новых доказательств (которых может и не быть вовсе). И нет гарантий и запретов, что в следующем после 5-ти суточного срока заседании следак опять не заявит такое же ходатайство об очередном продлении, а суд его не удовлетворит, признав законным длящееся задержание. Глупо звучит предложенная нормой возможность для второй стороны, то есть и для стороны защиты, аналогично просить суд о продлении срока для опровержения необходимости заключать под стражу. Как будто к этому времени вопрос ареста уже предрешён. Сколь бы нелепо это не выглядело, но это происходит, хотя подобные приёмы не повсеместны, а избирательны – когда крайне важно удержать человека взаперти.

Другой пример приведу относительно крайней меры – заключения под стражу. Сказка № 2. Здесь правила установления срока закреплены в статье 109 УПК. Общий минимальный срок – 2 месяца, плюс дополнительные 6 месяцев, и далее только для тяжких и особо тяжких преступлений в сложных и исключительных случаях – до 12 и 18 месяцев. Вот человека обвиняют в совершении убийства по неосторожности (ст. 109.1 УК РФ, санкция – до 2 лет л/св, преступление небольшой тяжести). Очевидно в данном случае, что чела более 8 месяце (2+6) не вправе удерживать под стражей. Но обвиняемый, падла, сопротивляется, доказательств по делу не собрано или существуют иные причины для изоляции. Тогда следак может по своему усмотрению предъявить обвинение по составу особо тяжкого преступления, родственного преступления, допустим по ст. 105.2 УК РФ (умышленное квалифицированное убийство при отягчающих, сток – до 20 лет или «пыжик»), расписать невероятные события мокрухи, сложность его расследования и наличие исключительных обстоятельств. И всё с тем только, чтобы искусственно продлить сроки заточения. Следак-проныра знает, что суд на этой стадии не вправе проверять обвинение по существу, а обвинение никогда не поздно изменить, в том числе и в сторону смягчения. Ну а ежели речь действительно идёт об особо тяжком составе, и оно недорасследовано к концу 18-месячного срока, а арестованный действительно может «сделать ноги», так выпустят такого опять же только за порог изолятора и здесь же встретят новой санкцией о задержании по новому мнимому подозрению-обвинению в чём угодно: «руки в гору и распишитесь, любезный!». Обычно в таких случаях вменяют «парашютные» статьи, как то: о хранении боеприпасов, наркосредств, «бакланка»-хулиганка и прочая мелочь. Гражданина вновь «упакууют», а ныне приращённые обвинения впоследствии возможно и отшелушат, следя лишь действительному интересу – дорасследование прежнего и удержание взаперти.

В последние годы заметны улучшения условий содержания в тюрьмах. Этот прогресс – не результат пробуждения совести и сознания властей, но следствие давлений Евросуда и устыжения перед лицом «цивилизованного» сообщества за столь бесчеловечное обращение с грешными согражданами. И все положительные сдвиги вовсе не искренни. Нет. Россия ещё не скоро выползет из ямы дремучести и азиатской дикости, где глупые массы людоевцев позволяют себе башку морочить, согласны содержать властью для себя подлецов и негодяев. И до тех пор, пока эти охреневшие полубоги не изменят (а они не изменят) своё восприятие арестованных, как скотье стадо, реальных перемен нам – скотам ждать не надо бы.

Не всё скоту масленица...

Внешние перемены «к лучшему» сопровождаются изысканиями более изощрённых средств и методов унижений и издевательств. И, если всё ещё не исключаются пытки, жестокость в местах лишения свободы, соответственно остаются угрожающие жизни и здоровью условия. Все заявляемые гарантии супротив этого – пустой трёп. Уже само по себе лишение свободы в любом виде необратимо разрушает психику, а значит, несёт прямой вред этим здоровьем и жизни. То есть указанная гарантия изначально ничтожна и лицемерна.

Вредительство твоим жизни и здоровью начинаются с момента задержания. Уже тогда тебя стараются грохнуть башкой о бордюр или мордой твоей вычистить капот. Это всё – часть стратегии устрашения: изначальная демонстрация силы и власти, слом воли, указ о том, кто в этом домике чмо. При этом не будут соизмерять величину физической агрессии, выяснять наличие прежних травм, состояния здоровья, а, соответственно, возможности их рецидива. В случаях последующих вопросов от надзорных органов, мусора находят отговорки в твоём мнимом буйстве, сопротивлении законным требованиям в ходе задержания. В дальнейшей перспективе: дубины конвоиров, пресс от оперов, наезды сокамерников, инфекции и разложёнка по казематам, неоказание медпомощи и долго-долгое травление психики.

Этому всему есть некоторая возможность и необходимость сопротивляться. У тебя имеются язык и слово, способность жаловаться всякий раз. К более активным силовым действиям не призываю. Хотя бы не молчи. Не строй из себя Олежку Кошевого, иначе повторишь его летальный подвиг. Слово – могучая дубина. Само активное бодание твоё не оставит времени на дипрессняк. К происходящему относись с долей иронии и сарказма, а то и с любопытством исследователя. Псы только ссыкунов облаивают.

2. 5. Охрана прав и свобод (ст. 11 УПК РФ)

Читаем Свехновый Завет:

Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять участникам их права, обязанности, ответственность и обеспечить возможность осуществления этих прав. В случае согласия лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, дать показания, их обязаны предупредить о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу.

Мозгуем. Прямая обязанность разъяснения прав, обязанностей и ответственности возлагается Законом на должностное лицо (мусора), под чьим непосредственным руководством проводится конкретное процессуальное действие и в чьём производстве находится уголовное дело. Если, допустим, осмотр места происшествия проводит следователь, так никто иной не вправе вмешиваться в ход расследования, несмотря на должностное положение и статус этого «инога», пусть даже он много выше рангом следака (прокурор, начальник сл. отдела). Если производство ведётся в суде, то и разъяснения полагается делать суду в лице председательствующего по делу судьи. Любые разъяснения, поступающие от других участников, сколь ни были бы эти «другие» компетентны в этих вопросах, являются только юридическим подспорьем, но правовых последствий не влекут и не могут подменять прямых функциональных обязанностей ведущего производство мусорка. Остальные, включая защитника, только вправе, но не имеют прямых обязанностей в этом, хотя помощь защитника и подразумевает всесторонние пояснения происходящего и ролевых полномочий участников.

Кому же, в чей адрес делаются указанные в норме разъяснения? Всем остальным участникам, кому предстоит примерить на себя права и обязанности, кто может и должен этими правообязанностями пользоваться по назначению, и на кого могут распространяться меры ответственности. И, опять же, невзирая на матёрость участника. Безусловно, прокурор-криминалист и медик-эксперт вполне посвящены во все тонкости их участия, досконально знают свою процессуальную и служебную праводеееспособность, известно им о мерах ответственности. Что же, это их профессиональные знания и опыт. Но и такая заведомая просвещённость не влечёт исключений в их отношении. Пусть это и покажется формальностью со стороны, но того требует Закон. Полезно всякому участнику напомнить его статус, настроить его через эту процедуру к серьёзности в работе, не допустить балаган, предупредить своеволие или незнание нормативных изменений. Факт разъяснений отмечаться должен отдельной строкой в соответствующих протоколах следственных действий под личную роспись получателя дозы разъяснений. Без всего этого в дальнейшем не привлечь к ответственности нарушителя.

Повторяюсь, закон не делает каких-либо исключений – разъяснения должны давать в обязательном порядке всем-всем-всем участникам без выяснения необходимости этого (почти принудительно, ха-ха). Трудно усомниться, что адвокат-защитник, обвинитель-прокурор или секретарь судебного заседания не ведают своих полномочий, обязанностей, ответственности и особенностей производства. Но и этим профессионалам полагаются их порции разъяснений. А вот ведь, разъяснений таковым не делают. Мне известен только один случай полноты разъяснительных процедур, и ещё я видел недоумение в глазах прокурора и защитника при этом. Они в том случае едва не оскорбились таким обращением. Порядок такой оправдан ещё и стой точки зрения, что другие участники, присутствуя при разъяснениях одному из них, через эту процедуру также узнают о статусных возможностях этого участника, усваивают роль его и могут принимать эти знания в процессе. А ещё выясняются некоторые права, напрямую не прописанные в Законе, не разъясняемые одним участникам, но однозначно вытекающие из обязанностей других участников.

На вопрос: какой объём прав-обязанностей-ответственности подлежит разъяснению (?), ответ не сложен: Весь (не путать с древнеславянским народом «Весь»). Полный объём, достаточно подробно, в понятной и доступной форме. Конечно, речь идёт только о тех правообязанностях, которые существуют, могут появиться на текущее время и востребованы при производимых процедурах. С тем, чтобы участник овладел знанием о своём правовом положении и был способен осуществлять свойственные ему функции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.